

– Если все в мире – тишина, то что же такое – пение птиц? – сказала Саша. Она сказала это сама себе, сказала озеру, сказала лесу, но только не маленькому мальчику. Саша не надеялась получить ответ от того, кто только-только узнал, что на свете бывает “тишина ушедшего пения”...

Маленький мальчик сделал еще один шаг в сторону леса, а потом остановился, повернулся и, глядя на девочку, сказал:

– Ну, это просто!

– Да? – Саша оглянулась на мальчика и снисходительно улыбнулась.

– Конечно! Пение птиц – это тоже тишина! Это тишина ушедшего шелеста!

– Как это? – теперь Саша удивленно смотрела на мальчика, пытаясь понять его слова.

– Тишина ушедшего шелеста! – повторил маленький мальчик, старательно проговаривая многочисленные “ш”. – Шлушай Шаша! Девочка прислушалась. Шелестел лес. Но тут, словно специально, снова запели птицы!

– Слышишь! – восторженно закричал маленький мальчик.

– Да, поют птицы...

– Нет! – отрицательно замотал головой маленький мальчик. – Слышишь тишину ушедшего шелеста?.. – Маленький мальчик широко улыбнулся. – Не стало шелеста леса, значит, для него настала тишина! Он ушел! Значит, пение птиц – это на самом деле тишина!..

– “Тишина ушедшего шелеста”... – как зачарованная, повторила Саша.

– Ага! – откликнулся маленький мальчик. А потом шагнул в лес, чтобы найти маму и папу.

– Постой! – вдруг спохватилась девочка. – Мальчик, как тебя зовут?!

Но тишина была ответом...

апрель 2004

СОДЕРЖАНИЕ

..... Свет тьмы 2
..... Зимний сон 16
..... Невозможно 22
.... Стать ветром 30
..... Цветы, которые не умирают 45
..... Маленькая Надежда 54
... Тишина ушедшего шелеста 61

СВЕТ ТЬМЫ

Среди непроходимых гор затерялась цветущая долина. Каждое утро солнце поднималось из-за края гор и освещало деревья и озера, реки и поляны... И каждый вечер оно садилось где-то в горах, унося с собой свет, чтобы дать его снова, на следующее утро...

Посреди прекрасной долины раскинулся большой город Аль-Зинж. Богатый и благополучный. Чего только в нем не было! Кто только в нем ни жил...

С утра до ночи шумел базар, на котором можно было купить все, что угодно, с утра до ночи не прекращался стук в мастерских, где умелые жители города делали всевозможные вещи, столь необходимые в труде и хозяйстве... С утра до ночи кипела жизнь в Аль-Зинже! Конечно, жители города не только трудились. Они умели и отдыхать. Гремели свадьбы, проносились праздники, люди ходили друг к другу в гости, делились новостями и слухами, обменивались подарками и закатывали пиры... Как хорошо было бы в Аль-Зинже, если бы не его проклятье!..

Где-то далеко в горах жила страшная темная ведьма по имени Мара!

Она часто прилетала в город и забирала одного из жителей к себе в пещеру. И каждый житель города Аль-Зинжа знал, что рано или поздно Мара прилетит за ним. И каждый знал, что это обязательно произойдет, и что никто не сможет избежать лап Мары, и никто не одолеет темную ведьму!

Никто из жителей города точно не знал, что делает у себя в пещере Мара с пленниками, но никто, – никто! – не хотел встретиться с Марой. И страх, что в следующий раз ведьма прилетит за ним, отравлял жизнь всем обитателям города.

Страх страхом, но город не мог замереть. Каждый житель просто надеялся, что Мара прилетит еще не скоро. А если и прилетит, то не за ним. И город продолжал торговать, работать, отдыхать и радоваться, словно не было никакой темной ведьмы, словно не прилетала она на своих черных крыльях почти каждый день и каждую ночь...

В Аль-Зинже жила принцесса. Звали ее Нао-Ми. Она была самой прекрасной девушкой в городе. Ее красота сводила с ума всех неженатых мужчин в Аль-Зинже! И даже женатые потихоньку вздыхали и оставались в здравом рассудке только потому, что где-то рядом была

– Не правда! – рассердился маленький мальчик. – Это ты мне сказала так тебя назвать, поэтому ты “Саша” не из-за того, что я тебя так назвал, а почему-то по другому!

– Пожалуй... – девочка задумалась. – Может быть, потому что в моем новом имени есть шшшш, как и в тишшшшине?

Маленький мальчик успокоился, потому что такое объяснение звучало разумно.

– Саша, расскажи мне про то, что ты сказала, а я не понял, – попросил мальчик.

– Ты о чем?

– Ну, ты сказала, что тебе грустно, потому что у всего в мире есть тишина...

Девочка задумалась. Она подобрала коленки, положила на них руки, а на руки – подбородок.

Маленький мальчик подумал, что Саше будет трудно говорить. Потому что трудно говорить, когда подбородок упирается во что-то. Но девочка молчала, а потом повернула голову, прижавшись к сложенным рукам левым ухом. Она посмотрела на мальчика и сказала:

– Знаешь, как сделать жизнь прекрасной?.. Говорят, что надо научиться радоваться тому, что кажется неважным, но что на самом деле – важно. Пению птиц, плывущим облакам, восходу солнца, улыбке... Надо научиться радоваться каждому мигу, каждой мелочи, всему... Но разве это сделает жизнь прекрасной?..

– Наверное, – маленький мальчик пожал плечами.

– Нет. Жизнь станет прекрасной, когда ты научишься не только радоваться, но и грустить... Грустить от того, что после пения птиц наступит тишина, что облака растворятся в небе, солнце зайдет, а улыбка погаснет... У всего в мире есть своя тишина... Потому что все в мире – тишина...

Девочка замолчала. Она снова повернула голову так, чтобы упереться подбородком в локоть.

– Понятно... – сказал маленький мальчик. Он тревожно заерзал, чувствуя, что еще немного, и он потеряется по-настоящему. Потому что, охотясь за грибами, мама с папой уходили все дальше и дальше.

– Я побегу? – спросил маленький мальчик. И когда Саша кивнула в ответ, добавил: – А ты?..

– Я тоже скоро пойду, – ответила девочка. – Вот пойму одну вещь и пойду...

– Какую? – маленький мальчик встал, перевернул корзинку и шагнул в сторону деревьев.

Разве можно грустить, слушая “просто тишину”?..

– Наверное, нет... – пожал плечами маленький мальчик. – А почему ты грустишь?

– Потому что я слушаю тишину ушедшего пения... – тихонько сказала девочка, а потом снова отвернулась к озеру и замерла.

Маленький мальчик попытался понять ее слова. Он даже несколько раз повторил про себя, шевеля губами: “Тишина ушедшего пения...”

– А что это значит? – наконец спросил он.

– Неужели ты не понимаешь? – девочка снова подняла голову и удивленно посмотрела на мальчика. – Совсем недавно, когда тебя еще не было, в лесу пели птицы. А потом они перестали. И наступила тишина. Тишина ушедшего пения... Это совсем другая тишина, не такая, как обычная. От нее грустно...

– Понятно... – маленький мальчик улыбнулся. Он любил, когда все становилось понятно. – А зачем ты грустишь? Ведь птицы скоро снова запоют!

– При чем здесь птицы? – девочка недоуменно посмотрела на мальчика. – Ты же сказал, что понял!..

– Я понял, что тебе грустно от того, что сначала птицы пели, а потом перестали...

– Нет... Мне грустно от того, что у всего в мире есть тишина...

Маленький мальчик долго сидел и смотрел на озеро.

– Как тебя зовут? – вдруг спросил мальчик, решив, что непонятные слова девочки объяснятся сами собой как-нибудь потом.

– Это – не важно... – ответила девочка.

– Почему?

– Потому что после звука имени настанет тишина. Рано или поздно.

– Все равно скажи! – маленький мальчик решил пока не задумываться над словами собеседницы.

– Это – не важно... – повторила девочка.

– Мне – важно! – маленький мальчик начинал злиться и от этого заерзал на корзинке.

– Саша... – сказала девочка.

– Тебя так зовут? – подозрительно спросил мальчик.

– Пока – нет, но если ты назовешь, то будут звать...

– А почему ты – “Саша”?

– Я еще не Саша, – улыбнулась девочка. – Назови меня так...

– Саша, а почему ты – “Саша”?

– Вот видишь, теперь меня зовут Саша! – девочка засмеялась. – Почему? Потому что ты меня так назвал!

законная супруга. Женихи наперебой ломились в дом к принцессе Нао-Ми. Среди них были и выдающиеся жители города. К Нао-Ми сватался самый богатый купец Аль-Зинжа по имени Гвоботаст, ее руки и сердца добивался великий герой, победитель всех битв, рыцарь Лавас, ее расположения добивался даже глава города, могущественный Вталас, по одному приказу которого сотни слуг готовы были исполнить любое желание принцессы. И даже великий Ниеназ, самый мудрый человек города, предлагал Нао-Ми стать его женой! Принцессе нравились богатства Гвоботаста. Ведь любая девушка знает, что за деньги можно купить почти все. Принцессу влекло к Лавасу, чье имя не переставая гремело по всему городу. Нао-Ми немного боялась Вталаса, но хотела оказаться под его защитой и под защитой его слуг. И Ниеназ тоже был по-своему привлекателен. Ведь у него единственного было то, что не купишь за деньги...

Принцесса выбирала.

– Как жаль, что нет человека, который был бы богат, как Гвоботаст, известен, как Лавас, могущественен, как Вталас и учен, как Ниеназ! Как бы я хотела отдать руку и сердце именно ему! Но таких людей не бывает, и я должна выбрать из этих четырех, очень достойных женихов...

А еще в городе жил юноша по имени Но-Веар. У него не было ни богатства, ни славы, ни власти, не было и особых знаний. Он просто любил Нао-Ми. А однажды даже осмелился признаться девушке в любви, но она лишь улыбнулась, словно шутке, и отвернулась, продолжая шептать про себя:

– Гвоботаст? Или Лавас? А может Вталас? Или все-таки Ниеназ?

Но-Веар грустно улыбнулся в ответ и пошел прочь. Он все понимал:

– Кто я такой, чтобы на равных соревноваться с такими горожанами, как Гвоботаст, Лавас, Вталас и Ниеназ? Они предлагают то, что действительно важно и ценно для девушки. Ведь ей еще долго жить в Аль-Зинже. А я предложил всего лишь любовь. Разве может это невесомое и неосязаемое чувство быть важнее золота Гвоботаста, имени Лаваса, могущества Вталаса и мудрости Ниеназа?..

Юноша смотрел со стороны, как четверо достойных жителя города наперебой предлагают свои дары прекрасной принцессе...

И вот пришло время, когда она должна была сделать выбор. В честь этого события в Аль-Зинже объявили праздник. Все горожане надели лучшие костюмы, а горожанки – лучшие платья. На городской площади яблоку не где было упасть! В центре, на роскошном помосте, прямо перед дворцом принцессы стояли четверо женихов. Разодетые

и уверенные, что именно его сегодня выберет прекрасная принцесса. Они высоко поглядывали на толпу и с ревностью друг на друга.

Но-Веар тоже был на площади. Но не для того, чтобы претендовать на руку Нао-Ми. Кто осмелится соревноваться с такими достойными кандидатами, как Гвоботаст, Лавас, Вталас и Ниеназ?..

Но-Веар просто еще раз хотел увидеть свою любимую...

И вот прекрасная принцесса вышла на балкон. Все ахнули, и площадь онемела. В белом свадебном платье Нао-Ми была похожа на богиню! Женихи открыли рот и долго не могли прийти в себя. Первым оправился Ниеназ. Он закрыл рот рукой и тихо спросил:

– Так кого же ты выбрала, прекрасная принцесса?

Тут же очнулись и другие женихи.

– Да, кого? – сохраняя достоинство спросил Вталас.

– Кого?.. – как эхо, откликнулись Лавас и Гвоботаст.

Принцесса еще раз оглядела женихов, еще раз вспомнила, что предлагает ей каждый из них...

Все жители города затаив дыхание ждали решения принцессы. И только Но-Веар не ждал. Он смотрел на свою Нао-Ми, и в сердце его тихо пела грустная радость. Ведь скоро его любимая обретет то, что желает...

Нао-Ми в последний раз все взвесила, подняла руку с белоснежным, как снег в горах, платком и сказала:

– Я выбираю...

Но вдруг небо на мгновение потемнело, а потом по площади пронеслась черная тень!..

– Это Мара! – крикнул кто-то. И в тот же миг площадь окаменела. Люди, парализованные страхом, застыли в той позе, в какой их застал крик. И в глазах каждого читался только ужас и один немой вопрос: “За кем?..”

И вот над площадью повисла сама темная ведьма. Она была, как кусок беззвездной ночи на фоне дня. Лишь на секунду Мара зависла над площадью, а потом медленно поплыла к Нао-Ми...

И вздох облегчения пронесся по площади. А потом вздох грусти. И весь ужас теперь собрался только в одном месте – в глазах прекрасной принцессы...

Платок упал из ее бессильной руки, она беспомощно оглянулась, ища защиты. А Мара уже схватила ее за плечи, готовясь унести к себе в горы.

– Гвоботаст! – закричала Нао-Ми. – Спаси меня! Откупись от Мары

ТИШИНА УШЕДШЕГО ШЕЛЕСТА

– Почему ты грустишь? – мальчик вышел на берег озера. Его родители собирали грибы. И он тоже собирал, но потом немножко заблудился...

Неправда, что нельзя немножко заблудиться, а можно только или заблудиться или нет. Немножко заблудиться – это когда ты сам хочешь заблудиться, но не по-настоящему. А не по-настоящему заблудиться – это когда ты знаешь, что в любой момент можешь найтись. И маленький мальчик заблудился именно немножко. Он знал, что стоит ему захотеть, и он тут же найдет и маму, и папу, и корзинки с грибами.

– Почему ты грустишь? – повторил он, не дождавшись ответа на первый вопрос.

– А разве ты не слышишь? – чуть помедлив ответила девочка и только потом обернулась к маленькому мальчику. До этого она неподвижно сидела на самом берегу озера и грустно смотрела на воду. От берега до леса было всего-ничего места. Небольшой участок, заросший травой, а не деревьями, – вот и все. Девочка сидела на перевернутой вверх дном корзинке, а не на траве. Наверное, потому что трава вблизи озера была мокрая и даже немного хлюпала под ногами. Маленький мальчик подошел ближе и прислушался.

– Тихо! – наконец решил он. – А ты тоже с родителями грибы собираешь?

Девочка поморщилась, словно мальчик сказал какую-то глупость.

– Грибы – не важно! – с упреком сказала она. – Садись и слушай...

Маленький мальчик посмотрел в свою корзинку, в которой сиротливо лежали несколько сыроежек. Пожал плечами, повторил тихонько: “Грибы – не важно!..”, а потом перевернул корзинку, поставил ее на траву и уселся сверху.

Он старательно прислушался, надеясь услышать то, по сравнению с чем грибы – “не важно”...

Услышал шум леса. Шелест листьев. Маленький мальчик всегда считал, что шелест листьев – это и есть тишина. Настоящая. Потому что, когда нет ничего, никакого звука, то это не тишина – это обман. Потому что не бывает ничего. Как не бывает пустоты, так не бывает и тишины без звука.

– Тишина? – уже менее уверенно сказал маленький мальчик. – Ты слушаешь тишину?

– Да, тишина... – согласилась девочка. – Но это не просто тишина...

тот постарше будет. Или это той семьи, что приехала недавно, беженцы... Наверное. И мальчик какой-то темненький. Или просто ночь?" Он снова и снова пытался разглядеть малыша, но видел лишь красивые большие глаза, обращенные к нему. Мальчик смотрел вопрошающе и немного тревожно, словно боялся, что на его просьбу ответят отказом.

– Дедушка, мне скучно. Поиграй со мной... – повторил маленький гость.

– Малыш, разве ты не знаешь... – Кирилл присел, чтобы лучше разглядеть ребенка. – Разве ты не знаешь, что в монастырь ночью не ходят, что здесь живут монахи, и что они молятся Богу... Иди лучше домой. Я сейчас тоже молюсь...

– Вот так всегда!.. Все молятся-молятся, а мне поиграть не с кем! – малыш, казалось, обиделся. Он отмахнулся от Кирилла, который хотел его погладить, и отстранился в темноту. Его глаза смотрели на монаха. Как ни старался Кирилл, он ничего не мог разглядеть, кроме этих глаз. – Пойду я лучше спать, – мальчик совсем обиделся. – Мама спит, друзья спят. Поиграть не с кем. Думал, хоть этот дедушка поиграет, а он мо-олится. "Я готов служить Тебе так, как Ты хочешь", – мальчик явно кого-то передразнивал. – Ага, как же... Все, я спать пошел...

Малыш отодвинулся от Кирилла и растворился в ночи, оставив смущенного монаха сидеть у порога.

Через какое-то время, словно очнувшись, Кирилл поднялся и, пожимая плечами, вернулся к алтарю. Он попытался молиться, но ничего не получалось. Тогда, так и не взглянув на алтарь, Кирилл затушил свечу и вернулся на ложе. Он сел и попытался задуматься. В голове было пусто. Зато в сердце словно кто-то играл на барабанах. "Что со мной?" – иеромонах медленно поднял взгляд. В тихом, почти невидимом свете луны, с алтаря, с любимой, подаренной старцем, иконы, на Кирилла смотрели смеющиеся глаза Маленького Иисуса...

лето 2002

своим богатством! Выкупи меня!

И достойный Гвоботаст, преодолевая страх, крикнул темной ведьме: – Отдай мне Нао-Ми за тысячу золотых монет! Нет, я дам тебе десять, сто тысяч золотых монет!

Но Мара только расхохоталась в ответ. И мрак, схвативший принцессу заколыхался от смеха.

– Что ты предлагаешь, ничтожный купечишко? Хочешь, я завтра приду к тебе? И ты будешь молить меня принять все свое имущество! До последней монетки, до последней нитки! Если бы мне нужны были золотые монеты, я имела бы их все! Мне не нужны деньги!..

– Лавас! Спаси меня! Ведь ты победил в стольких битвах! Отбей меня у Мары! – закричала тогда Нао-Ми.

И Лавас, чтобы не посрамить свое имя, сказал:

– Мара! Сразись со мной!

И еще громче захохотала темная ведьма.

– Что ты можешь?! Стоит мне только захотеть и весь ваш город исчезнет с лица земли!

– Вталас! – в отчаянии закричала Нао-Ми. – Останови Мару!..

– Слуги, взять ее! – закричал Вталас, но только громкий хохот ведьмы был ответом на его слова.

– Я не в твоей власти, ничтожество! – сказала Мара. – Посмотри на своих слуг. Как они сжались, как они пытаются забиться подальше, чтобы не слышать и не видеть меня. Хочешь, я прикажу, и они собственными руками разорвут тебя?..

– Ниеназ! – с последней надеждой в глазах обернулась Нао-Ми к великому ученому. – Ты все знаешь, спаси меня!..

– Мудрый знает, что Мара непобедима, – тихо ответил Ниеназ. – Никому не избежать ее темных лап. Я не могу спасти тебя...

– Тогда какой смысл в твоих знаниях и твоей мудрости! – с горечью и отчаянием сказала Нао-Ми, и Ниеназ опустил глаза.

И тогда Мара схватила принцессу и с хохотом понеслась прочь из города...

* * *

И когда стих далеко в горах ее страшный голос, над площадью снова повисла тишина. Но уже не радостная, в предвкушении торжеств, а траурная.

Люди стали потихоньку расходиться, а неудачливые женихи слезать с помоста.

– Куда же вы?! – вдруг закричал Но-Веар и выскочил на середину

площади. – Неужели никто из вас не попытается спасти свою возлюбленную?!

– Возлюбленную? – удивленно спросил Гвоботаст.

– Кого, кого спасти? – переспросили Лавас и Вталас.

– Это невозможно, – ответил более догадливый Ниеназ. – Мара никого не выпускает из своих лап. Если Мара выбрала кого-то, то никто и ничто не сможет спасти его...

– И что же вы теперь будете делать? – не понял Но-Веар.

– Как что? – опять удивился Гвоботаст. – Искать другую невесту!

– Конечно, а что же еще? – подтвердили Лавас и Вталас.

– Жизнь продолжается... – философски закончил Ниеназ.

Люди молча расходились. Они не глядели на Но-Веара. Ведь они знали, что он любил Нао-Ми. Вскоре юноша остался один. Посреди большой площади. Он долго стоял. Смотрел на синее, безоблачное небо, смотрел на вершины гор...

– Где-то там сейчас моя возлюбленная! – подумал он. – Где-то там моя Нао-Ми...

И сердце юноши сжалось, а потом он удивленно сказал:

– А почему же я здесь?!!

И Но-Веар решительно направился в дом Ниеназа. Смело распахнул дверь и, высоко подняв голову, остановился перед хозяином.

– Расскажите мне о Маре! – сказал он. – Расскажи всё! Где она живет и что делает с пленниками?..

– Никто не знает, где живет темная ведьма... – спокойно ответил ученый. – Говорят, где-то далеко в горах. И никто не знает, что происходит с пленниками...

– Так что же знает ваша наука?! – с горечью, словно вторя кому-то, спросил Но-Веар.

Ниеназ сел в кресло и спокойно продолжил.

– Говорят, у Мары где-то в горах есть пещера, которую одни называют Сортаст, а другие Бленоз. Говорят также, что какое-то время Мара держит пленников в этой пещере. А что происходит с ними потом, наверняка никто не знает. Вероятно, она, когда приходит время, просто их поглощает, как ночь поглощает день...

Ниеназ замолчал.

– А зачем тебе это знать? – вдруг спохватился он.

– Я хочу найти мою Нао-Ми! – сказал Но-Веар.

– Зачем? – удивился Ниеназ. – Ты ей ничем не поможешь, даже если найдешь. Никто и никогда не вырывался из лап Мары! Неужели

что Ты есть, что Ты рядом... Господь, покажись хоть как-нибудь!.."

Огонь в сердце разгорался. Казалось даже, что это уже не огонь, а само солнце. Восход солнца. Свет усиливался с каждой минутой. Вот-вот, и появится что-то Удивительное! Как за рассветом поднимается само Солнце. Кирилл чувствовал, что вот-вот внутри засияет Господь – настоящее светило сердца. Он настолько погрузился в это ожидание, в этот свет-предвестник, что молитва его перестала быть словами, Кирилл сам стал молитвой. Молитвой безмолвной, ждущей. Все существо монаха, – ум, тело, разум и душа, – стало одной немой молитвой, обращенной к Богу. Свет вспыхнул, предвещая появление своего Господина! Яркие-яркие лучи пронзили сердце, и внутренний взор Кирилл почти ослеп. Лучи пронизывали все и вся! И наконец...

В дверь кельи громко постучали. В ночной тиши стук прозвучал словно удары огромного колокола. Кирилл от неожиданности открыл глаза. На него спокойно смотрела Богородица и чуть тревожно, вопрошающе смотрел Маленький Иисус. Кирилл спохватился, закрыл глаза, попытался вернуть в сердце свет, но сердце уже заполнило другое чувство. Сначала жуткая досада, затем бессилие, которое вскоре сменилось тихим, плачущим смирением.

В дверь опять постучали. Теперь это был обычный, тихий стук в дверь. Кирилл вновь почувствовал досаду и раздражение. Еще никогда в своей молитве он не заходил так далеко. Как же его прервали!

"До чего не вовремя! – раздраженно подумал Кирилл. – Я чуть было не разгневался... Господи, прости мне этот страшный грех. А я ведь должен знать, что на все Твоя воля. Наверное, какой-то монах заметил свет в моем окне и решил зайти, узнать все ли в порядке". Кирилл успокоил себя такими мыслями, но у самой двери все же не выдержал: "Но ведь должен он знать, что если монах ночью не спит, то он молится?! Разве можно прерывать молитву?! Нет, я не могу сдержаться и сейчас все ему выскажу! В конце концов, ему же на благо..."

Кирилл открывал дверь с сильным желанием выказать свою досаду нечуткому монаху. Он открыл дверь, но... там никого не было. Кирилл был совершенно смущен, и раздражение нахлынуло с новой силой. Он хотел было уже захлопнуть дверь, когда услышал голос:

– Дедушка, поиграй со мной! Мне скучно...

Кирилл опустил глаза и увидел маленького мальчика. Он стоял подняв голову и просительно смотрел на иеромонаха. Мальчика трудно было разглядеть в мерцающем свете далекой свечи.

– Ты почему гуляешь так поздно? – строго спросил Кирилл. Он тщетно пытался узнать мальчика. "Может быть, это Петровых сын? Нет,

знание стало ясным, ум перестал метаться и словно бы исчез совсем, а тоска, терзавшая сердце Кирилла, стала рельефной, четкой и еще более острой. “Где Ты, мой Господь?” – эти слова ясно и гулко зазвучали внутри монаха. Не так как раньше, смазано, с примесью отчаяния и тревоги. Сейчас молитва говорила в сердце одна. Говорила только молитва, все остальное молчало. Кирилл закрыл глаза, но ничего не изменилось – он по-прежнему чувствовал и даже видел взгляды с иконы. “Я могу только просить Твоей милости... На самом деле даже на это у меня нет права, потому что Ты – Господь. Ты даешь каждому то, что ему необходимо. Просить Тебя – все равно, что признаваться в неверии. Но я и признаюсь в неверии! Я потерял веру в Тебя, а значит, потерял и Тебя самого, а значит, потерял и себя. Что же мне делать? Просто оставаться, как есть? Я не могу! Я жил для Тебя! Я жил Тобой! Что мне делать сейчас? Все что я могу – это плакать и молиться: о Господь, появись хоть как-нибудь! Но кажется мне, что и это бесполезно... Сомнения жгут меня изнутри и кажется, что есть одно средство от этой боли – Господь, появись хоть как-нибудь! Защити сердце этого грешника! Иначе оно сгорит или станет твердым и холодным сердцем лицемера. Но если такова Твоя воля, то пусть лучше оно сгорит... О Господь! Спаси меня! К кому я еще могу обратиться? Мой наставник ушел, теперь некому позаботиться об этой грешной душе. Кого мне еще просить? О Господь! Спаси и сохрани – появись хоть как-нибудь!” Кирилл плакал внутри. Из глаз его тоже текли слезы, но эти слезы ничто по сравнению со слезами сердца. Кирилл плакал внутри. И чем больше он отдавался этому чувству, тем яснее он видел – видел, не открывая глаз, – словно что-то начинало светиться прямо внутри, и это что-то становилось все ярче и ярче.

“Господь! Откликнись хоть как-нибудь! Для Тебя это не составит никакого труда, ведь Ты вездесущий и всемогущий! Мои мучения принадлежат Тебе так же, как весь я принадлежу Тебе. В Твоих силах избавить меня от них или наделить еще большими... Что я могу поделать? Хорошо ли, что я воспринимаю Тебя, как боль? Нет, ведь Ты всемилостив. Прошу, прояви же эту милость, которую я не заслуживаю. Но я готов даже воспринимать Тебя, как боль, если буду уверен, что это Ты. Но я ни в чем не уверен, я полон сомнений. Господь, появись хоть как-нибудь! Сейчас мне кажется, что Ты совсем рядом, я почти чувствую Тебя. Это удивительно, о Господи. Спасибо Тебе. Но между “кажется”, “почти” и уверенностью – такая разница! О Господь, Ты даешь почувствовать Себя, но скоро вернется ум, и я забуду о чувствах. Господь! Пожалуйста, сделай еще шаг, чтобы я не только чувствовал Тебя, но знал Тебя! Знал,

ты даже этого не знаешь?

- Знаю, – сказал Но-Вear. – Но я все равно найду мою Нао-Ми...
- Зачем? – повторил свой вопрос Ниеназ.
- Я хочу быть рядом с ней, когда придет Мара... Я хочу быть рядом с любимой, когда ведьма поглотит ее!
- Ты ничего не сможешь сделать! – громко сказал Ниеназ.
- Я знаю! – выкрикнул Но-Вear. – Но я буду рядом!
- Ты сумасшедший! – закричал Ниеназ.
- Я знаю... – тихо повторил Но-Вear, а потом медленно повернулся, вышел из дома ученого и пошел прочь из города.

* * *

Юноша вышел за пределы города и пошел по долине, которая раскинулась вокруг Аль-Зинжа. Он вдыхал ароматный воздух, зная, что скоро ему придется дышать только холодным разреженным воздухом гор. Он торжественно ступал по мягкой траве, зная, что вскоре под его ногами будут лишь острые камни...

Он не думал, что будет делать в горах. Может быть, замерзнет, а может быть, Мара прилетит за ним и отнесет в свою пещеру, где они встретятся с Нао-Ми...

– Лишь бы у ведьмы была одна пещера... – прошептал Но-Вear, когда вступил на голые камни. Теперь ему предстоял долгий и тяжелый путь. Но юноша не боялся. Он теперь не боялся ничего. Ни таинственных гор, ни злобной Мары. Ведь он знал, что где-то в одиночестве и страхе перед неведомым страдает его любимая!

Но-Вear решительно рванул вверх.

– Я найду тебя! – крикнул он безмолвным вершинам. – И мы будем вместе!.. Ты не одинока, Нао-Ми! Я иду к тебе...

И орлы закружились в вышине...

* * *

Он долго карабкался по горам. Пологие подъемы сменялись крутыми, а крутые вдруг обрывались ущельями... Но-Вear ободрал кожу на руках и ногах, он задыхался из-за разреженного воздуха, но не переставал идти... спотыкаться... ползти... Иногда силы покидали его, и Но-Вear забывался где-нибудь среди камней, но вскоре холод пробирал юношу до костей. Тогда Но-Вear поднимался и шел дальше, дальше, дальше!..

Он не следил за временем. Иногда солнце заходило, и Но-Вear сжимался в маленький комочек, чтобы сохранить хоть немного тепла и не превратиться в камень, подобный тем, что валялись повсюду.

А потом солнце всходило, и Но-Веар снова отправлялся в путь, к полудню изнемогая от его жестоких лучей... Но-Веар не знал, сколько раз солнце заходило и всходило. Он просто шел. И вот однажды он увидел на самой вершине высокой горы вход в пещеру...

Сердце юноши тревожно забилося.

– Это пещера Мары! – сказал он уверенно и, несмотря на почти отвесные скалы, пополз вверх.

Он хватался за каждый выступ. Руками, ногами, зубами!.. Камни равнодушно рвали его одежду, его кожу... Но-Веар ничего не замечал. Перед его глазами был только последний уступ, тот, что на самом верху, у входа. Последний взмах рукой, и юноша сел на краю, глядя в темноту пещеры...

* * *

– Кто там? – раздался из глубины пещеры слабый, дрожащий от страха голос.

– Это я, Но-Веар... – как можно спокойнее ответил юноша, хотя его сердце билось так, словно хотело разорвать грудь.

Он шагнул в пещеру и через несколько секунд, когда глаза привыкли к полумраку, увидел Нао-Ми. Девушка сидела в углу пещеры, обхватив колени руками и дрожа. В ее широко раскрытых глазах застыл невыразимый словами ужас.

– Ты не Мара? – прошептала Нао-Ми, увидев на фоне светлого входа силуэт юноши.

– Нет... – Но-Веар ласково улыбнулся и тихо подошел к Нао-Ми.

Вздых облегчения вырвался у принцессы. Ужас пропал из ее глаз, остался только страх.

– А я думала, что пришло мое время... – сказала Нао-Ми.

Но-Веар присел рядом с девушкой.

– Кто ты? – снова спросила она.

– Меня зовут Но-Веар, – повторил юноша. – Я пришел к тебе из Аль-Зинжа...

– Аль-Зинж... – тихо сказала Нао-Ми. – Когда-то я тоже там жила. Кажется, что с тех пор прошла вечность, и моя жизнь в городе теперь кажется чем-то нереальным, словно ее никогда и не было, а я всегда сидела в этой пещере и дрожала от страха в ожидании Мары...

Нао-Ми внимательно посмотрела на юношу и вдруг улыбнулась. Не ловко, неумело, словно никогда раньше этого не делала.

– А я помню тебя! – сказала Нао-Ми. – Когда-то давным-давно ты тоже был моим женихом...

молиться: “О Господь, будь милостив ко мне! Будь милостив ко мне! Будь милостив ко мне! Я готов служить Тебе так, как Ты хочешь!..”

Кирилл молился, глядя на свою любимую икону: Младенец Иисус сидел на коленях Своей матери. Эта икона стояла в центре. Было еще несколько, но Кирилл обычно молился Матери Божьей и Младенцу. Монахи раньше немного подшучивали над ним, говоря, что в центре должно быть распятие, но Кирилл не слушал никого. Однажды, много лет назад, он поссорился с одним молодым монахом и тот, не найдя других причин, стал жаловаться настоятелю, что Кирилл-де не признает славной кончины Христа за грехи всего человечества. И доказательством тому – неправильно устроенный алтарь, где нет распятия. Настоятель пришел к Кириллу в келью. Они долго говорили, а чуть позже настоятель подарил Кириллу вот эту старинную икону, которой иеромонах и поклонялся с тех пор. Сварливому послушнику старец выговорил, что нехорошо искать недостатки в других, тем более в том, что касается таких сокровенных вещах, как поклонение Богу. После этого случая все в монастыре знали, что Кирилл поклоняется иконе с Младенцем и Богородице по благословению святого старца. Иеромонаха оставили в покое. Больше никто не приставал к нему с вопросами, почему на его личном алтаре нет распятия.

“...Я готов служить Тебе так, как Ты хочешь...” – Кирилл немного успокоился, снова подошел к окну, еще раз надеясь увидеть Бога в окружающем мире. Там ничего не изменилось. В окружающем мире ничего не изменилось. Только где-то несколько раз аукнула ночная птица. Вряд ли это было знаком Бога...

Кирилл отошел от окна, – и во второй раз он ничего не увидел и не услышал в ночи. Его келья еле-еле освещалась слабым светом луны. Было практически темно. Больше на ощупь и по памяти, Кирилл подошел к алтарю, достал свечу и зажег. Свет маленькой свечи вначале показался очень ярким, но потом как-то договорился с полумраком, и они стали сосуществовать вместе: вокруг свечи образовался шар света, а дальше, по углам кельи, нашел прибежище полумрак. В келье стало как будто тише, казалось, звуки ночи из-за окна, заметив горящую свечу, испуганно скрылись в лесу.

Богоматерь с Младенцем Иисусом на коленях умиротворенно смотрела на Кирилла. Маленький Иисус тоже смотрел на монаха, но как-то грустно и чуть-чуть вопрошающе, казалось, даже тревожно. Кирилл поставил свечу перед самой иконой и опустил на колени. Свет и взгляд Богоматери немного успокоили его: словно не свет обычной свечи, а отблеск какого-то неземного сияния коснулся души. Со-

помощные движения напоминали его, Кирилла, ум. “Ищет ли он Бога, – подумал иеромонах. – Или мой ум ищет места, где можно отложить свои яйца...” Кирилл сел. Надежды на спасительный сон не было. Иеромонах стал наблюдать за молью, думая о своем. Она летала неуверенно, словно и не умела этого делать. Постоянно садилась на стену, потом вспархивала, кружилась какими-то жалкими рывками и вновь садилась, чтобы чуть-чуть проползти и взлететь снова.

Кирилл встал и подошел к окну. В ночи громко стрекотали цикады. Ночь делает тихое – громким. Слышался далекий собачий лай: в ближайшей деревне псы о чем-то беседовали друг с другом на своем резком языке. То здесь, то там затихали и начинались вновь трели ночных птиц. Ночь жила своей жизнью. Монастырь спал. Спали деревни. Они тоже жили своей жизнью.

Кирилл долго глядел в окно. Глаза его смотрели, но не видели, уши слушали, но не слышали. “Что этому миру до Бога? И что Богу до этого мира? И что Ему до меня и моих просьб?” – Кириллу стало горько. Стало горько и от того, что он говорил такое, чего нельзя было говорить, и от того, что сейчас такие слова казались правдой. “Я столь мал по сравнению с этим миром, а этот мир – лишь небольшая часть царства Бога... Этот мир и есть проявление Бога, потому что создан Им. Вот Он и появился “хоть как-нибудь”. Разве нет? Почему я не могу довольствоваться этим? О Господи! Я не хочу мир вместо Тебя, я не хочу мир – в качестве Тебя, я хочу видеть Тебя прямо перед собой, чтобы Ты проявился Сам, не через кого-то или что-то, а Сам, непосредственно. Вера моя слаба. Вера не зависит от логики... Если Ты не поможешь мне, я пропал, потому что жизнь моя потеряна. Я не боюсь ада, потому что уже в аду. Я мечтаю отправиться в ад и гореть в адском пламени, потому что там я буду знать, что Ты есть. Но настоящий ад здесь, сейчас, в моем сердце, потому что я не знаю, что Ты есть... Нет, я знаю, что Ты есть, но... Что тогда?.. Я не понимаю, что Ты есть? Нет, я очень хорошо это понимаю... Тогда что?.. Самое страшное: несмотря на то, что я знаю и понимаю, я не верю в Тебя! Как это странно и ужасно... Мои мысли идут по кругу, и этот круг не имеет конца. О Господи! Что же мне делать? Так и жить с адом вместо сердца, с сомнениями вместо веры? Как это возможно? Я не хочу становиться лицемером. Не хочу! О Господи, я знаю, что не могу ни о чем просить Тебя. Кто я такой? Кто я такой, чтобы просить Тебя о чем-то? Но я не могу больше, моя жизнь стала невыносимой. Господь, пожалуйста, появись хоть как-нибудь!”

Кирилл заплакал. Он отвернулся от окна и быстро, словно ища спасения, рванул к алтарю. Он упал на колени и продолжал неистово

– Это было всего лишь несколько дней тому назад, – сказал Но-Беар.

– Да? – удивленно спросила Нео-Ми. – Так странно... Да, я что-то вспоминаю. У меня было четыре жениха... Как их звали? Ах, да! Гвоботаст, Лавас, Вталас и Ниеназ... Каждый из них предлагал мне что-то... – Нео-Ми вдруг грустно рассмеялась, а на ее глазах засверкали слезы. – Каждый из них предлагал мне что-то... Сейчас я даже не слишком хорошо помню что... Что-то жалкое... С высоты этой горы, из этой пещеры все кажется таким жалким!..

Принцесса положила руки на колени, а голову на руки. Она смотрела на вход в пещеру, и слезы катились из ее глаз.

– А ты? Ты ведь тоже мне что-то предлагал? – вдруг спросила Нео-Ми. – Я не помню... Что?..

– Любовь... – просто сказал Но-Беар.

– Любовь? – переспросила Нео-Ми. – А что это такое?

– Я не знаю... – пожал плечами Но-Беар и улыбнулся. – Но это то, что привело меня сюда...

– Да?! – принцесса встрепенулась. – Я так удивилась тому, что вместо Мары пришел ты, что забыла спросить... Я забыла спросить: зачем ты пришел? Разве ты не знаешь, что Мара никого не выпускает из своих лап? Когда она принесла меня сюда, то сказала, что вернется и поглотит меня, когда придет мое время. С тех пор я только жду, жду, жду... И страх непрерывно сжимает мое сердце... Неужели ты не знаешь, что от Мары невозможно спастись?..

– Знаю, – кивнул Но-Беар. – Я пришел просто чтобы быть рядом с тобой, когда придет Мара. Чтобы тебе не было одиноко, чтобы ты не боялась. Просто чтобы быть рядом...

– Это и называется любовью? – спросила Нео-Ми. Ее глаза были широко раскрыты, но страх из них куда-то пропал.

– Наверное, – снова пожал плечами Но-Беар.

– Тогда почему там, в Аль-Зинже, ты не объяснил мне, что за дар предлагаешь?! Если бы я знала, то неужели бы хоть секунду сомневалась?! По сравнению с твоим даром то, что предлагали Гвоботаст, Лавас, Вталас и Ниеназ – никому не нужный мусор!

– Но в городе тебе не нужна была любовь. В Аль-Зинже гораздо важнее богатство, слава, власть и знания...

– Как может быть важнее то, что не спасет тебя от одиночества и страха?! – искренне изумилась принцесса.

– В городе ты не обратила внимания на мой дар... – ответил Но-Беар.

– Ты должен был дать его силой! – закричала принцесса. – Ведь ты знал, что предлагаешь!

– Любовь не приемлет насилия, – спокойно сказал Но-Вear. – Любовь просто ждет, чтобы ее выбрали. Она не претендует ни на что. И она никогда не упрекнет нас за наш выбор... И я был бы рад за тебя, кого бы ты ни выбрала тогда, на городской площади... – Но-Вear неловко улыбнулся. – Прости за бессмысленное сейчас любопытство, но... мне очень интересно: кого ты все-таки выбрала тогда?

– Кого?.. – словно эхо, переспросила Нао-Ми.

– Да, кого? Ты не успела сказать, потому что... Так кого? Гвоботаста? Лаваса? Вталаса? Ниеназа?

– Я не помню... – ответила Нао-Ми. – Но зато я сейчас поняла одну вещь: кого бы я ни выбрала тогда, мой выбор носил бы только одно имя – Мара!.. Рано или поздно она бы пришла за мной, с кем бы из них я не была...

В пещере вдруг стало темнеть.

– Что это? – спросил Но-Вear.

– Не бойся, это просто солнце заходит... – улыбнулась Нао-Ми.

– А ты очень смелая! – улыбнулся в ответ Но-Вear.

– Нет, просто я уже давно здесь... Скоро станет совсем темно и холодно... – Нао-Ми уже не могла разглядеть юношу, а он почти не видел ее. – Наверное, Мара – это как ночь. Просто становится темно и холодно. Навсегда...

Но-Вear почувствовал, как девушка задрожала. Он подсел совсем близко и взял ее за руку. Через минуту солнце село, и пещеру заполнила непроглядная тьма.

– Разве ты не знаешь, что у любой ночи есть звезды? – спросил Но-Вear и погладил дрожащую руку девушки. – Пойдем...

– Куда?! – испуганно откликнулась Нао-Ми.

– Пойдем... – повторил Но-Вear и встал, потянув принцессу за собой. Он на ощупь пробрался к выходу из пещеры. Они вышли на уступ. – Смотри!..

Нао-Ми подняла взгляд. Все небо было усыпано яркими звездами.

– Как красиво... – сказала принцесса. – В пещере я не видела их. Я просто сидела и дрожала, стараясь хоть немножко согреться и не кричать от страха...

– Да, становится холодно, – сказал Но-Вear. – Давай, я согрею тебя!

это... Когда в него вселился проклятый бес. Он мысленно отправлялся в прошлое, но долгое время не мог уловить момент, когда спокойная, мирная жизнь вдруг ушла и сменилась непрекращающейся борьбой с самим собой. Только недавно Кирилл связал изменения в себе со смертью их старца, настоятеля монастыря. Все держалось на нем и вокруг него. В окрестных селеньях ходили легенды о его святости. Но обитателям монастыря не было дела до этих легенд, потому что все они жили в тени этой святости, ежеминутно чувствуя ее на себе. В конце концов, Кирилл решил, что раньше у него не было такой жажды видеть Бога, потому что Бог был рядом, – Он жил в сердце их настоятеля.

Когда старец ушел, Кирилл почувствовал себя одиноким и больше не нужным. Он долго не мог прийти в себя, и все монашеские обязанности выполнял механически, по отработанной за многие годы привычке. Более того, Кирилл чувствовал, что многие монахи, по крайней мере, старожилы монастыря, так же, как и он, потеряли себя. Ведь все они жили духом старца, а теперь надо было научиться жить своим духом.

Примерно через год или два после ухода наставника Кирилл стал ловить себя на странных мыслях. То на молебне в его уме пробегало: “А слышишь ли Ты меня?”, то у святых икон почти неосознано проскакивало: “А не мертвому ли дереву я поклоняюсь?” Вначале это были мимолетные мысли-молнии, которые смущали, но не оставляли глубокого следа. Мало ли искушений дьявола пережил и преодолел Кирилл за долгие годы послушничества? Но постепенно из мимолетных сомнений подобные мысли стали превращаться в настойчивые вопросы. Вот с того времени и потерял Кирилл покой и не спал ночами, ворочаясь на жестком монашеском ложе.

“О Господи, если Ты не придешь, как еще я смогу укрепить свою веру? Я понимаю разумом, что Тебя не может не быть, но почему-то это не утешает. Неужели вера не зависит от разума? О Господи! За что такая пытка? Куда ушла моя вера? О Господи, пожалуйста, появись хоть как-нибудь... Если Ты не появишься, как еще я смогу укрепить свою веру?”

Я знаю наизусть многие жития святых, такое множество стихов из Священного Писания я знаю наизусть... Но почему они больше не служат мне утешением? Неужели вера не зависит от знания? О Господи! На что мне еще надеяться? Куда ушла моя вера? Если Ты не появишься, что мне поможет? О Господи, пожалуйста, появись хоть как-нибудь, прояви Себя хоть как-нибудь...”

Кирилл перевернулся на спину и уставился невидящим взором в потолок. Неуклюже порхала моль. Тварь Божья... Искала ли она Бога или просто место, чтобы отложить яйца? Кириллу казалось, что ее бес-

МАЛЕНЬКАЯ НАДЕЖДА

“О Господи, появись хоть как-нибудь!” – иеромонах Кирилл лежал на своем жестком ложе. Время формальной молитвы давно закончилось, монастырь забылся тихим сном, и только Кирилл еще не спал, уткнувшись лицом в изгиб руки, пряча глаза, из которых вот-вот должны были покатиться слезы. – “Мне так тяжело не видеть Тебя!..”

Иеромонаху Кириллу уже перевалило за семьдесят. Хотя ему вряд ли кто-то дал бы больше пятидесяти. Он был статным и удивительно крепким старцем. В их небольшом мужском монастыре жизнь текла спокойно и размерено: молитвы, церковные праздники, да простой труд. Кирилл, как и другие монахи, органично врос в этот жизненный ритм. Но в последние годы что-то странное стало твориться с иеромонахом. Внешне это никак не проявлялось, разве что он стал боле рассеян на богослужениях и начал путаться в совершенно привычных вещах. Окружающие его братья делали скидку на возраст и не обращали внимания на появившиеся в поведении Кирилла странности. Но если б они видели, чем жил брат Кирилл внутри!.. Он потерял веру, простую христианскую веру, которой жил всю свою жизнь.

Каждую ночь он не мог спокойно заснуть и долго молился, пока беспокойное забытие не охватывало его, принося небольшое облегчение. Молился он и в эту ночь:

“Мне так тяжело не видеть Тебя!.. Позволь мне увидеть Тебя! Даже пусть не увидать, позволь мне только твердо знать, что Ты есть. Мне будет достаточно этого. Просто знать, что Ты есть. Я хочу увидеть Тебя только для этого! Чтобы знать, что Ты есть. Прости мне грех неверия, о Господь! Но что я могу сделать, слабый человек? Сердце мое плачет, душа моя смущена, разум горит в огне сомнения... Если Ты сам не явишься, кто поможет мне? Я знаю, что говорить так – грех. Есть Священное Писание, где праведники черпают утешение, но мой грешный ум не хочет слушать слова Бога, он хочет видеть Тебя!

Как это ужасно, но я ничего не могу скрыть от Тебя: этот грешник внутри меня, этот бес сомнения, даже не верит словам Писания, и я бессилён обуздать его. Кто мне поможет, кроме Тебя, Господи?! Зачем Ты мучаешь меня на склоне лет? Как счастлив я был, просто служа Тебе, не задумываясь ни о чем. Что же случилось? Откуда эта скверна в моей душе? О Господь, появись хоть как-нибудь!..”

Кирилл мучился каждую ночь, задавая себе одни и те же вопросы. Иногда он задумывался и пытался вспомнить, когда с ним началось

Они сели на камень у входа в пещеру, и юноша крепко обнял Нао-Ми. Они грели друг друга и смотрели на звездное небо.

– Мара очень похожа на темное ночное небо, – вдруг сказала Нао-Ми. – Только без звезд. Днем она похожа на кусок непроглядного мрака. И днем она очень страшная. Потому что мрак очень пугает, когда вокруг – яркое синее небо и солнце...

– Что она сказала тебе? – спросил Но-Беар.

– Что мне надо будет войти в нее... когда придет мое время...

– Ты боишься?

– Сейчас почти не боюсь. Еще недавно ужас сковывал меня, словно свинец... Да, словно в меня залили расплавленный свинец, и он постепенно застывает, сковывая меня... Я не чувствовала холода, я не чувствовала твердых камней и боли от затекших ног и рук. Я чувствовала только всепоглощающий ужас! Но пришел ты и принес то, что уничтожает страх... Как я собиралась жить без любви там, в Аль-Зинже?! А ведь я могла бы так и не узнать, что это такое! Может быть, ее там почти и нет?

– Есть. И она всегда терпеливо ждет, чтобы мы ее выбрали. Просто в городе она кажется ненужной, и мы выбираем что-то другое...

– Теперь я совсем не боюсь Мары, я благодарна ей! – горячо сказала Нао-Ми и крепче прижалась к Но-Беару. – Если бы не она, я бы никогда не встретила с тобой. И ты бы не принес мне своего дара...

– Ты приняла его? – спросил Но-Беар.

– Да, – ответила Нао-Ми. – Еще недавно в моем сердце были только одиночество и страх. Сейчас их нет. А ведь они – очень могучие воины... Их никто не может прогнать, кроме... любви. Значит, в моем сердце сейчас только любовь. Я приняла твой дар...

– А сможешь ли ты теперь давать любовь? – Но-Беар смотрел в глаза любимой девушки, в которых светилось что-то глубокое и яркое, совсем не похожее на простое отражение звезд.

– Наверное... – Нао-Ми вдруг задумалась. – Знаешь, я подумала, что там, в городе, вся наша жизнь – это попытка избавиться от этих двух врагов в сердце: от страха и одиночества. И мы предаемся другим могучим воинам... Они кажутся нам могучими. Там, в городе... Мы нанимаем богатство, но оно вскоре становится верным союзником страха, мы бросаемся к славе, но она становится лучшим другом одиночества, мы бежим к власти, но она тут же падет ниц перед страхом и становится его верным слугой... Тогда мы обращаемся к знанию. Это самый могущественный воин. Он может победить даже страх! Но

знание говорит, что мы вечно одиноки... Так эти два могучих воина, одиночество и страх, побеждают всех наших наемников, становясь лишь сильнее...

– Да, только любовь побеждает этих двух непобедимых воинов... – откликнулся Но-Беар. – В сердце не остается и следа от страха и одиночества, когда туда входит любовь... Но сможешь ли ты теперь давать ее?... – повторил свой вопрос юноша. – Это очень важно. Ведь тот, кто не дает любовь, теряет ее! Можно брать богатства и не делиться ими, можно захватить власть и накопить знания, но нельзя получить любовь и не давать ее другим...

– Но я люблю тебя! – воскликнула Нао-Ми.

– Ты возвращаешь мне любовь, которую я тебе дал, – возразил Но-Беар. – Это хорошо, ведь большинство людей не способны даже на это... Это хорошо, но этого не достаточно для того, чтобы любовь осталась в сердце...

– Я понимаю... – Нао-Ми грустно посмотрела в даль. – Сейчас во мне все поет. Ты обнимаешь меня и кажется, что я готова полюбить все вокруг! Эти звезды и скалы, эту пещеру и горных орлов, спящих в своих гнездах... Всех! Сейчас я готова дарить любовь каждому! Просто, кроме тебя, здесь никого нет...

– Ты готова дать свою любовь всем? – переспросил Но-Беар.

– Да!.. – Нао-Ми подняла голову и громко закричала в ночь. – Все-е-е-м!!!

– Тогда полюби Мару! – вдруг сказал Но-Беар.

– Мару?! – воскликнула девушка.

– Да, Мару, – утвердительно кивнул юноша. – Ведь если ты не полюбишь и ее, то, как только она появится...

– Страх вернется в мое сердце... – закончила Нао-Ми и опустила голову.

– Да, – улыбнулся Но-Беар. – Ты все понимаешь... А когда вернется страх, уйдет любовь, и ты снова будешь одна... Страх и одиночество. Два великих воина, даже побежденные, не сдаются сразу...

– Да, я понимаю... – снова сказала девушка и вдруг звонко рассмеялась. – Но сейчас, когда ты рядом, я готова полюбить даже всех ведьм на свете! И, конечно же, я люблю и Мару. Ведь она принесла меня сюда, где я встретила тебя!.. Конечно, я люблю ее! Пусть она приходит, когда захочет! Я только улыбнусь ей и скажу: "Ты можешь забрать меня, а можешь оставить! Теперь мне все равно! Потому что теперь я не в твоей власти! Ты больше не сможешь поглотить меня, потому что

– С сухим сердцем? Но ведь тогда все повторится. И новый цветок без воды умрет, превратившись...

– Теперь ты знаешь, что цветам нужна вода. Поэтому, встретив новый цветок, ты не будешь, как раньше, заботиться только о листьях и навозе. В твоём сердце появится вода, предназначенная для этого нового цветка. И он никогда не умрет.

– Думаешь? – спросил я.

– Да, – ответило зеркало.

Я отвернулся и заглянул в себя.

– Правильно? – спросил я у сердца.

– Нет, – сказала оно.

– Почему? А как правильно?... – начал спрашивать я, забыв, что сердце не отвечает на такие вопросы. Только зеркало. Сердце же ничего не объясняет.

И я вынул его и посмотрел в озеро. Ведь зеркало может быть и в сердце. Только оно другое. Настоящее. И оно появляется, только когда в сердце плещется теплое прозрачное озеро...

– Я правильно понял тебя? – спросил я у отражения в сердце.

– Да.

И тогда я пошел на кладбище, которое у меня было похоже на парник. В руках я держал сердце, полное живой воды...

– А ты уверен, что твои цветы оживут?! – крикнул другой я из зеркала в прихожей. – Ведь вполне возможно, что иголки кактуса проткнут сердце, а сок алоэ отравит его!

– Может быть, – сказал я и ускорил шаг. – Может быть...

А потом, уже на улице, тихо, но четко и в ритм, словно убеждая самого себя, договорил:

– Может быть... Но я все равно попробую, потому что не хочу превратиться в пассажира, который вечно покупает билет и едет в никуда. Потому что на самом деле нет никакого моря и далеких прекрасных полей и лесов. Есть только кладбища, которые мы создаем сами. А прекрасный мир не где-то далеко. Он внутри и вокруг нас. Просто не виден из-за кладбища. Прекрасный мир откроется, как только пустоту сердца заполнит живая вода, и мы оживим ей всех, кого убили. И тогда пустыня станет прекрасным садом, в котором больше не будет колючих кактусов и жгучих алоэ, а только цветы. Прекрасные цветы, которые не умирают...

сентябрь 2005

– Значит, ты едешь с нами?

Я задумался, а потом заглянул внутрь себя. В сердце не осталось ни капли. Оно болело и говорило “нет”.

– Нет, – повторил я вслед за ним, а потом вышел из купе и дернул стоп-кран. Поезд визгливо затормозил. Во всех купе тоже визжали. Мужские и женские голоса. Пассажиры были не довольны, что их задерживают на пути к далеким полям и садам, где растет так много прекрасных цветов. Я слышал, как бывшие соседи ругали меня. Ведь они единственные знали, почему поезд остановился. Но потом они замолчали, заметив, что я оставил чемоданы с навозом...

Я выпрыгнул из поезда и побежал домой. Поезд увез меня далеко, и только к вечеру я добрался до родных лесов и полей. И только поздней ночью оказался в своей комнате.

Всю ночь я вспоминал розу и ландыш, пока в сердце вновь не плескалось чистое озеро. А утром я снова поехал на вокзал. На этот раз не стал собирать чемоданы. “Моему цветку, если он есть, достаточно будет воды... – подумал я. – А если нет, то навоза всегда можно накопать...”

Я снова ехал в поезде, но теперь в плацкарте, чтобы сэкономить деньги. Ведь кто знает, может и в этот раз я не смогу довести воду. Я больше не разговаривал со спутниками, а внимательно следил за сердцем.

И все повторилось. Чем дальше уносил меня поезд, тем меньше теплой влаги оставалось внутри. И я снова рвал стоп-кран и возвращался домой.

Так повторялось много раз, пока я не понял: мне не довести воды до далеких полей и лесов. Тогда я сел перед зеркалом и спросил:

– Почему?

– Ну, это просто, – ответил зеркальный я. – Попробуй наполнить сердце...

Я отвернулся от зеркала и стал думать о розе и ландыше, пока внутри снова не стало тепло и горячо.

– Вот. – Я снова повернулся к зеркалу. – И что?

– А ты сам не понял? Как можно вести новому цветку воду, которая...

– Ой, и правда! – я грустно рассмеялся. – Ведь она появляется благодаря цветам, которые давно умерли.

– Да, эту воду нельзя увести далеко, потому что она принадлежит им. Поэтому ты должен сначала забыть о погибших цветах, а потом ехать.

меня уже поглотила любовь!.. Я сама поглочу тебя!..”

Но-Беар засмеялся, видя, как его любимая воинственно размахивает руками и кричит в темноту. Юноша прижал Нао-Ми к себе. Она прильнула к нему и заговорила спокойнее.

– Да, я больше не боюсь Мары! Я готова полюбить и ее. Только где она? Пусть приходит прямо сейчас, и я поделюсь с ней твоей любовью...

– А не своей?

– Пока в основном твоей, – серьезно ответила Нао-Ми. – Наверное, та любовь, которую ты мне подарил, станет и моей, когда я поделюсь ей с кем-то!.. И, раз ты этого хочешь, я поделюсь ей с Марой! Где ты, темная ведьма?! Я люблю тебя!.. Где ты?!

– Я здесь, – вдруг раздался голос откуда-то из ночи.

Но-Беар и Нао-Ми посмотрели вперед и увидели, что в одном месте не было звезд. Только сгусток мрака.

– Тебе пора, принцесса!.. – снова раздался голос. – Твое время пришло.

Кусок тьмы колыхнулся и придвинулся ближе к уступу, где сидели юноша и девушка.

– Кто это рядом с тобой? – казалось, голос Мары зазвенел от удивления.

– Я Но-Беар! – ответил юноша.

– Но-Беар? – переспросила Мара. – Зачем ты здесь? Твое время еще не пришло...

– Я хочу быть рядом с любимой...

– Любимой? – Мара была уже на уступе. Теперь ее можно было видеть, потому что она была чернее ночи. – Ты все равно ничего не сможешь изменить. Я забираю всех, за кем прихожу... Ты ничего не сможешь сделать...

– Я уже сделал... – Но-Беар улыбнулся и посмотрел на девушку, сидящую рядом. Нао-Ми смотрела на него, и в ее глазах не было и капли страха. Но-Беар встал и Нао-Ми встала вместе с ним. Они держались за руки.

– Я уже сделал! – повторил Но-Беар.

– Я больше не боюсь тебя, Мара! – сказала Нао-Ми. Она не отрываясь смотрела на своего возлюбленного. – Ты не сможешь поглотить меня, даже если поглотить...

– Твое время пришло, принцесса... – упрямо повторила Мара и стала медленно надвигаться на девушку.

Нао-Ми так и не взглянула в сторону Мары. Девушка не отрыва-

ясь смотрела на Но-Веара. Юноша держал Нео-Ми за руку и улыбался. А с другой стороны неумолимо надвигалась темная Мара...

– Пока мы любим, нет страха, нет одиночества, нет Мары, – сказал Но-Веар.

– Я знаю, – ответила Нео-Ми и улыбнулась. Потом она, не поворачивая головы, подняла вторую руку и протянула ее в сторону приближающейся тьмы. Рука прошла сквозь нее, и мрак заколебался, а потом вдруг взорвался ослепительным светом!

Но-Веар на мгновение зажмурил глаза. Потому что теперь за спиной девушки вместо темного пятна сиял ослепительный сгусток света!

– Я знаю, – повторила Нео-Ми. – Нет Мары...

Девушка медленно отпустила руку Но-Веара и, не отрывая от него глаз, полных любви, шагнула в свет... Чтобы увидеть мир, где нет страха, где нет одиночества...

* * *

Но-Веар стоял на высокой горе, рядом с опустевшей пещерой. Светало, и густой свет, еще недавно бывший непроницаемым мраком, уже не резал глаз.

– Кто ты, Мара? – спросил Но-Веар.

– Сейчас я не Мара, сейчас меня зовут Рама, – сказал голос.

– Кто ты? – повторил юноша.

– Я – дверь, – свет колыхнулся в ответ. – Для кого-то я прихожу, как свет, и тогда меня зовут Рамой, а для кого-то, как мрак, и тогда меня называют Марой...

– Зачем же ты приходишь в Аль-Зинж?

– Чтобы люди научились любить... К тем, кто научился любить, я прихожу, как Рама, ко всем остальным – как Мара...

– Рама... – тихо сказал Но-Веар. Он посмотрел на светящуюся дверь. – Значит, в тебя, как в Раму, входят только те, кто полны любви?

– Да...

– А те, что входят в тебя, как в Мару?

– Страх и одиночество... Мара питается страхом... Когда я мрак, я наполняю сердце тех, кто входит в меня, страхом и одиночеством, а потом отправляю их обратно в город, чтобы они еще раз попытались научиться любить...

– Да, только там, где есть любовь, нет страха и одиночества, – словно для себя самого повторил Но-Веар. – Значит, сейчас, пока ты свет, пока ты Рама, там, за тобой, мир любви?

и доверчив. Или, как говорят, глуп. И хотя с каждой минутой поезд все дальше уносил меня от дома, я приготовился слушать мудрость пожилого спутника.

– Когда-то я тоже надеялся найти цветок, который не умрет, – начал он. – Но потом понял. Смерть цветка – это закон. Неизбежный и непреодолимый. И тогда я взглянул на проблему с другой стороны... Знаешь с какой? Я подумал примерно следующее: “А ведь это здорово, что цветы, умирая, не исчезают, а превращаются в кактусы, алоэ, фикусы, грибы, плесень, лианы или лишайники!” Это значит, что на самом деле наша с вами задача найти не цветок-который-не-умирает, а найти тот цветок, который превратится во что-нибудь не слишком обременительное. Например, я не переносу кактусы, потому что они слишком колются. А вот с алоэ или плесенью вполне можно жить. Даже полезно, говорят. Поэтому сейчас, открыв этот секрет, я еду за своим последним цветком. Надеюсь, опыт мне поможет выбрать правильный и хороший, то есть тот, который, умерев, превратится во что-то сносное...

– А я думал, что цветы, умерев, превращаются только в кактусы или алоэ... – тихонько сказал я.

– Ну ты даешь! – удивился пожилой спутник. – У тебя сколько цветов-то было? Неужели они все превращались только в кактусы и алоэ?!

– У меня было два цветка. Один умер и стал кактусом, а второй – алоэ.

– Два цветка?! – уточнил спутник, а остальные тоже удивленно закачали головами. – В твоём возрасте у меня их было столько, что можно было бы собрать несколько букетов! Жаль только не делают букетов из кактусов! – Он засмеялся, довольный своей шуткой. – А цветы, умирая, превращаются не только в кактусы или алоэ. Бывает, они становятся лианами, которые будут высасывать из тебя соки, пока ты либо не выкинешь их на кладбище, либо не отправишься туда сам. Какие-то цветы становятся безобидными грибами, а какие-то – плесенью... Много вариантов. Но мы об этом поговорим завтра, если хочешь. Я могу тебе рассказать обо всех вариантах смерти цветка. Но сейчас меня интересует, понял ли ты то, о чем я говорил?..

– То, что наша задача не найти вечно живой цветок, а постараться выбрать тот, который умирая, превратится во что-то сносное? – уточнил я.

– Да, можно и так сказать, – кивнул пожилой спутник. – Вижу, ты понял.

– Наверное, потому что все, что вы говорили, звучит очень разумно...

посторонних. И я долго сидел, надеясь, что все пройдет. Но потом не выдержал и вышел в коридор, плотно закрыв за собой дверь купе. Посмотрел направо, потом налево. Светлый чистый коридор. Под ногами ковровая дорожка, а за окном деревья и поля... Хорошо и красиво.

– Что ж тебе неймется? – с досадой спросил я внутрь и еще раз огляделся, убеждаясь, что в коридоре никого нет. Пассажиры сидели по своим купе и мечтали о цветах. Тогда я осторожно вынул сердце и заглянул...

Оно наполовину высохло...

Вот в чем дело! Да, сердце всегда начинает болеть, когда сохнет. Только вот почему вода уходит?..

Я смотрел на озеро, которое с каждой минутой мелело все быстрее. Чем дальше уносил поезд от родного дома, тем меньше в сердце оставалось влаги. "Почему так?" – подумал я, с тоской наблюдая, как сердце почти опустело.

Я вернулся в купе и спросил:

– Как остановить поезд?

– Зачем? – хором удивились мои спутники.

– У меня больше нет воды для цветка, поэтому я хочу вернуться домой.

– Что за ерунда! – закричали они. – У тебя, мы видим, полные карманы зелени, у тебя полные чемоданы самого лучшего навоза! Все цветы будут твоими!..

– Мне не нужны чьи-то цветы. Мне нужен мой цветок, – сказал я.

– И ты найдешь его! – уверенно сказал молодой спутник с нижней полки.

– Мне не нужен цветок, который умрет, – сказал я. – Как остановить поезд?

– Послушай... – сказал пожилой спутник с верхней полки. Он так разволновался, что даже спустился вниз. – Все цветы умирают. Это закон. Поверь моему опыту...

– У вас, наверное, большое кладбище? – спросил я.

– Не то слово! – почему-то с гордостью усмехнулся он, не заметив моего сарказма. – Так что я знаю, о чем говорю! Так вот, послушай. Все цветы умирают, и с этим надо смириться. Я понимаю, тяжело. Особенно, пока мы молоды. Но теперь я знаю, как это сделать без особой боли. Думаю, я последний раз еду за цветком, потому что благодаря опыту и мудрости, что скопились за все эти годы, я кое-что понял. И я готов поделиться своим открытием с тобой...

Я сел, потому что всегда готов слушать других. Ведь я наивен

– Да...

– Могу я войти в тебя? – Но-Беар протянул руку в сторону светящейся двери.

– Нет, твое время еще не пришло! – сказал голос. – Возвращайся в город Аль-Зинж и учи людей любви!

– Хорошо... – сказал Но-Беар. Он немного помедлил, а потом пошел к уступу, чтобы начать обратный путь в город. Он сел на край скалы, повернулся и спросил:

– А когда ты придешь за мной, ты придешь, как Рама или как Мара? Как свет или как мрак?

– За тобой я приду как Рама... – прозвучал неземной голос из самой глубины светящейся двери, и Но-Беару послышалась в этом голосе ласковая улыбка. – Конечно, если ты не разучишься любить...

февраль 2004

ЗИМНИЙ СОН

Раннее утро. Маленький мальчик лежал в постели и глядел в окно на зарождающийся рассвет. Очень не хотелось вставать, хотя мальчик прекрасно знал, что надо. “А зачем?” – спрашивал он себя и не находил ответа, от чего маленького мальчика охватывала непонятная тревога. Он знал, что надо, но скованное сладкой негой тело не слушалось. Мальчик вдруг подумал, что слова “сладкая нега” неправильные. Никакая она не сладкая, она вяжущая, как неспелая хурма, от которой давишься и от которой, если вовремя не прекратить есть, перехватывает дыхание и можно, наверное, совсем задохнуться.

Маленький мальчик еще раз попробовал уговорить себя встать, пытаюсь вырваться из вяжущего плена, но не смог. Он безнадежно закрыл глаза...

Вдруг внутри маленького мальчика что-то передернулось. Он сразу же поглядел в окно. Смутно показалось, что это удалось сделать, даже не поднимая век. Он увидел только что поднышавшее солнышко. Оно было так красиво! Мальчик залюбовался восходом, но через некоторое время понял, что за окном не все в порядке. Он никак не мог уловить что. Маленький мальчик внимательно осмотрел улицу. Там было все, как обычно: деревья среди сугробов пытались скрыть свою наготу, с трудом ловя тонкими ветвями редкие снежинки; дворник не спеша расчищал дорожки; из труб деревянных домов струился дымок, который не знал, куда направиться, потому что не было ветра. Маленький мальчик еще раз посмотрел на красноватое солнце и вдруг понял, что случилось: солнышко улыбалось и подмигивало. Причем улыбалось самым настоящим ртом, а жмурилось и подмигивало самыми настоящими глазами!..

– Ой!.. – только и смог вымолвить маленький мальчик.

– И тебе привет! – сказала Солнышко и еще сильнее расплылось в улыбке.

– Привет! – ответил мальчик, стараясь отвечать громко и уверенно.

– Что? Сколько времени, спрашиваешь? – ответило Солнышко. – Не знаю, но пора вставать...

Солнышко задумалось, а потом призналось:

– На самом деле, я тебя почти не слышу. У меня почему-то ушей нет. Рот есть, глаза есть, даже нос зачем-то есть, а ушей нет... – Солнышко,

Иногда я смеялся, и часть смеха уносилась прочь легким ветерком, а часть превращалась в капли. Иногда я плакал. И часть слез высыхали на ветру, а часть падала в сердце. И вскоре там плескалось маленькое озеро. Прозрачное и чистое.

Радость и печаль, грусть и счастье, надежда и верность, сладость и преданность... Вскоре сердце было полно, и я с удивлением и восторгом смотрел на переливающуюся, словно новый алмаз, воду.

– Да, теперь все будет по-другому! – сказал я и осторожно поместил сердце обратно в грудь. Потом собрался. Набил карманы листвою, заполнил чемоданы навозом и поехал на вокзал.

Нетерпеливо отстоял длинную очередь. Вот и стекло. Кассир видит меня, но ничего не спрашивает. Ждет, что я уйду. Но я стою и смотрю.

– Вам билет? – наконец спросила она.

– Да.

– Куда? – Кассирша удивилась лишь на мгновение, а потом повернулась к клавиатуре, готовая отщелкать все, что попросят.

– К морю, где всегда светит солнце, где глубокие небеса и бескрайние поляны с прекрасными цветами... – Я протянул немного зеленой листвы и получил билет.

Вскоре я сидел в вагоне и смотрел, как убегают назад деревья родного леса.

В поезде были такие же, как я. Все они ехали за цветами. Кто-то вез большие чемоданы, а кого-то небольшие рюкзаки. У кого-то карманы оттопыривались от листвы, а кто-то считал каждый листик... Но все надеялись найти свой цветок, который никогда не умрет.

– Привет! – сказал я спутникам по купе. – Я еду на море, чтобы найти свой цветок.

– Мы тоже!

– Как хорошо, что нам по пути...

– Конечно, ведь мы в одном поезде...

– А вы везете с собой воду? – решил спросить я.

– Что? – не поняли спутники. – У нас есть листва и навоз... Что еще?

– Ну, чтобы цветок не умер, его надо не только удобрять и укрывать, но и поливать, – сказал я.

– Глупости, – откликнулся спутник с верхней полки. – Каких только теорий на этот счет не выдумано, а цветы все равно умирают...

– Да, но... – я хотел было возразить, но вдруг почувствовал что-то внутри. Я замолчал и погрузился в себя. Да, что-то происходило в сердце. Надо было разобраться, но мне не хотелось вынимать его при

– Все равно. Остальные не превращают свои кладбища в теплицы. Остальные оставляют на кладбищах цветы, ставшие кактусами, и больше никогда туда не возвращаются. Просто отправляются на вокзал, чтобы купить билет и найти новый цветок.

– Но не у всех есть деньги на все новые и новые билеты. Как же поступают они? Неужели живут без цветка?

– Многие привозят свой цветок, а когда тот становится кактусом или алоэ, делают вид, что ничего не произошло.

– То есть живут с мертвым цветком?!

– Да, почему бы и нет? Ведь ты сам сказал – не у всех есть деньги на все новые и новые билеты. Но главная причина не в этом. Просто рано или поздно кладбища у большинства становятся такими большими, что там не остается места для новых кактусов, и приходится заставлять ими свой собственный дом.

– И после этого ты удивляешься, почему я не хочу ехать за новым цветком?! Ведь он все равно умрет. Все цветы умирают... И мне останется либо вести его на кладбище, либо делать вид, что ничего не произошло. Но я хочу быть рядом с живым цветком!..

– Тогда ты должен сделать так, чтобы он не умер.

– Да, но как? Мы все заботимся о своих цветах. Укрываем листьями, удобряем навозом... Почему же они все равно умирают, превращаясь в серо-зеленых и колючих? Почему исчезают яркие чистые краски? Почему нежные лепестки становятся иголками?..

– Наверное, навоза и листы недостаточно.

– Но что еще нужно?!

– Быть может, воды?..

И я застыл, а на моих губах застыл следующий вопрос. В нем больше не было необходимости, потому что я вдруг понял!

Да, цветок умирает без воды!

Я отошел от зеркала и сел в глубине комнаты.

– Что же это за вода?

Я хотел вернуться к зеркалу, чтобы спросить, но тут же понял сам. Теплое и горячее, что иногда появляется в сердце, – это и есть вода, которой не хватает цветам.

Я привычно вынул сердце из груди и заглянул внутрь. На доннышке блестели несколько капель, что всегда оставались после возвращения из теплицы.

– Этого мало, – сказал я себе. – Для того чтобы питать цветок, сердце должно быть полным.

И я стал вспоминать о розе и ландыше. А потом о кактусе и алоэ.

казалось, расстроилось. – Поэтому я слышу плохо, только когда кто-нибудь близко... А ты не знаешь, почему у меня ушей нет?

– Конечно, знаю, – сказал маленький мальчик, но не очень громко. – Что же это за солнышко с ушами? Солнышко должно быть круглым, а с ушами оно станет не совсем круглым. Как же оно по небу катиться будет?..

– Чего говоришь? – прислушалось Солнышко и даже замерло. – Ничего не слышу. Может, ты подойдешь поближе?..

– Конечно! – воскликнул маленький мальчик и тут же вскочил с постели. – Он торопливо оделся, схватил лыжи и выскочил на улицу.

– Давай быстрее, – сказала Солнышко, снова увидев маленького мальчика. – А то я скоро поднимусь высоко и все равно не смогу тебя услышать...

– Я сейчас! – прокричал мальчик и как мог быстро заскользил к горизонту.

Маленький мальчик бежал и бежал, горизонт приближался, а Солнышко становилось все больше и больше. Вдруг мальчик вспомнил, что горизонт не должен приближаться, что обычно он убегает с той же скоростью, с которой к нему стремишься. Как только маленький мальчик подумал об этом, горизонт и вправду стал удаляться. “Нет, так тоже неправильно!”, – решил маленький лыжник и приналег на палки. Горизонт в нерешительности дернулся, не зная, как ему поступить. Он стал убегать все медленнее и, в конце концов, вообще остановился, как и в начале. Маленький мальчик бежал и бежал, горизонт приближался, а солнце становилось все больше и больше. Скоро оно стало занимать полнеба. Наконец, мальчик добежал до края света и остановился отдышаться. Он воткнул лыжные палки неподалеку от края, а сам сел и спустил туда ноги, чтобы удобно было сидеть.

– Вот я и пришел! – сказал он, запрокинув голову.

– О, теперь я тебя замечательно слышу! – ответило Солнышко и опять радостно заулыбалось. – О чем ты хотел поговорить со мной?

– Я? Хотел? О чем? – удивился маленький мальчик.

– Да, о чем? – откликнулось Солнышко. – Ведь не зря же ты побегал на край света?

Мальчик задумался. Он вспомнил про вяжущий сон, из которого его так здорово вытащило разговорчивое Солнышко, и понял, о чем хотел спросить:

– Ты встаешь каждое утро. День за днем, год за годом, всегда... И каждый раз ты улыбаешься, ты счастливо просто от того, что подни-

маешься вновь. Скажи мне, почему ты не устаешь, почему, просыпаясь, ты всегда радуешься и улыбаешься?

– А как же иначе? – удивилось Солнышко. – Ведь меня ждут. Меня ждут деревья и цветы, бабочки и пчелы, птицы и звери, меня ждут люди. Я не могу не взойти, потому что это мой долг. И я не могу не радоваться, потому что моего восхода ждут...

Солнышко немножко задумалось, а потом еще раз повторило:

– Потому что меня ждут...

Маленький мальчик смотрел на теплую улыбку Солнышка, и ему вдруг стало так спокойно, словно он нашел какую-то важную, давно потерянную вещь.

– А если бы тебя никто не ждал? – спросил мальчик.

– Как это? – улыбка на секунду погасла.

– Ну, если бы во всем мире не для кого было светить. Не было бы ни цветов, ни пчел, ни бабочек, ни людей. Только одни пустые планеты, несущиеся в пустоте...

– Так не бывает, – снова заулыбалось Солнышко. – Так не бывает, когда некому светить. Если есть солнце, то обязательно есть те, для кого оно восходит каждый день.

– Ну, если все-таки так было бы?

– Как? – опять не поняло Солнышко.

– Если бы не для кого было вставать. Просто представь. Если бы на земле не было никого, и во всем мире никого, только пустота. Тогда бы ты тоже вставало каждый день?

– Так не бывает... – тихо повторило Солнышко.

– Просто представь... Пожалуйста.

– Хорошо, – Солнышко задумалось.

– Я бы все равно поднималось каждый день... – наконец сказало оно.

– Но ведь тебя бы никто не ждал!

– Да, но я ведь Солнышко... Что это за Солнышко, которое не встает каждый день? И не улыбается всем и не дарит свое тепло?

– Даже если некому?

– Даже если некому. Потому что если я перестану дарить тепло, я перестану быть солнцем. А если я перестану быть солнцем, то стану ненужным. А стоит ли подниматься, если ты никому не нужен?

– Но ведь в пустоте тебе некому будет светить и дарить тепло?

– Даже если кажется, что некому светить, я буду продолжать вставать каждый день, потому что, если солнце встает, это кому-нибудь да нужно.

зой. Я и сейчас вижу ее сквозь мясистые зеленые наросты и длинные иголки. Хотя знаю, что это лишь воображение. Но все равно подхожу и говорю: “Привет, моя прекрасная роза!”, и целую воображаемые лепестки, чувствуя как длинные иголки впиваются в губы, в лицо... Но я закрываю глаза. И не только для того, чтобы уберечь их. А чтобы не видеть зеленого кактуса. И когда я закрываю глаза, то на мгновение в уме мелькает образ той прекрасной розы, что давно умерла.

И в сердце появляется что-то теплое и горячее. А потом боль становится нестерпимой, и я плачу, вытирая кровь.

И иду в другую часть теплицы, где растет алоэ. Умерший ландыш почти не колючий. Да, его длинные стебли усыпаны выростами, похожими на колючки, но они мягкие и почти не колют. Алоэ не колючее, оно – ядовитое...

“Привет, мой любимый ландыш!” – говорю я и сразу закрываю глаза, чтобы увидеть белые смеющиеся цветы-колокольчики. И целую алоэ. И слышу давно забытый звон.

И в сердце появляется что-то теплое и горячее. А потом боль от жгучего сока алоэ становится нестерпимой. Да, говорят, этот сок полезный. Но мне не нужна польза, я хочу слышать звон моего ландыша!.. И я плачу, уходя из теплицы...

Возвращаюсь домой и сажусь напротив зеркала.

Я делаю так, когда хочу узнать что-то важное. Сам по себе я очень наивен и доверчив. Или глуп, как говорят про меня остальные люди, когда мы стоим в одной очереди за билетами. Может быть, они и правы. Просто они не знают, что дома я могу стать зеркалом...

Вот и сейчас. Я сел перед зеркалом, и в нем тут же появился я. Другой я, у которого нет чувств и сердца, а только холодный разум, который безупречно работает, отражаясь от серебряной подложки. Он очень мудрый, потому что беспристрастный.

– Я снова ездил на кладбище, – сказал я.

– Знаю, – ответил я из зеркала.

– Так я никогда не найду нового цветка...

– Да, чтобы найти новый цветок, надо забыть об умерших. Ты должен купить билет и уехать.

– Я не могу.

– Почему?

– Потому что знаю, что любой цветок умрет и станет кактусом или алоэ. И мое кладбище будет расти...

– У всех так. Просто другие не строят оранжерей!

– У меня не оранжерея, всего лишь теплица...

Она была ландышем. Тогда, после смерти розы, я поехал на вокзал, чтобы отправиться к морю и найти другой цветок. Потому что все так делают. Но я не смог, и вернулся. И построил теплицу для погибшей розы, которая стала кактусом, чтобы она могла там жить, не зная, что умерла.

И я долго строил теплицу, а потом снова поехал на вокзал. Но стоило мне встать в очередь за билетами, как я забывал, что роза умерла. Я забывал, что там, в теплице уже давно лишь колючий безобразный кактус, а не прекрасный цветок с нежными лепестками. И я снова мчался с вокзала к своей теплице...

А потом шел в лес и плакал, ощущая соленую кровь на исколотых губах.

И однажды встретил ее. Мой ландыш, что прятался среди деревьев нашего леса. Оказалось, чтобы встретить свой цветок, не надо ехать к далеким полянам и лесам...

Да, она была ландышем. Простым лесным цветком. Я услышал звон ее колокольчиков и сразу понял – вот он, мой цветок! И присел рядом и сказал: “Ты мой цветок!” И ландыш радостно засмеялся: “Правда?” И мы долго сидели друг напротив друга и смеялись. Радостно, как дети. И я гладил ее лепестки, а она звенела колокольчиками...

А потом она умерла. И превратилась в алоэ. Ведь любовь после смерти всегда становится или кактусом, или алоэ.

Я взял погибший ландыш и посадил в свою теплицу, а потом снова поехал на вокзал. Ведь нельзя жить без любви.

А на вокзале всегда длинная очередь за билетами. Очередь из мужчин и женщин. И у каждого есть свое кладбище цветов. У кого-то большое, а у кого-то еще совсем маленькое. А кто-то еще надеется приехать с моря с цветком, который никогда не умрет.

И я снова остаюсь в очереди за билетами, пока не увижу лицо кассира. А потом, не дожидаясь вопроса, отбегаю от кассы, выхожу с вокзала и еду на кладбище.

А потом возвращаюсь домой, чтобы на следующий день снова отправиться на вокзал, зная, что все равно окажусь на кла...

В последнее время мой путь короче. Теперь я сворачиваю к теплице, не доезжая до вокзала.

И медленно бреду, глядя на сверкающие стекла и ярко окрашенную арматуру.

Почему же я больше не покупаю билеты к полям и лесам далекого моря, где так много прекрасных цветов?..

Я захожу в свою теплицу и иду к кактусу, который когда-то был ро-

– А я... – голос мальчика прервался. – А я, наверное, никому не нужен. Какой смысл вставать мне? Ведь я не солнышко и никому не нужен...

– Это не правда, – ответило Солнышко. – В каждом, в каждом человеке, даже в каждой зверушке и в каждом цветке есть маленькое солнышко, которое должно подниматься каждый день. Потому что... Потому что, если солнышко встает, то это кому-нибудь да нужно...

– В каждом-каждом человеке? – уточнил маленький мальчик.

– В каждом, – уверенно ответило Солнышко. – Оно может быть ярким или не очень, но в каждом человеке есть свое солнце, которое должно подниматься каждый день, чтобы дарить свет и тепло в своем мире...

Солнышко повторяло одну и ту же мысль помногу раз, чтобы маленький мальчик твердо запомнил ее.

– Да, я понял, – ответил мальчик и заулыбался, как Солнышко. Но затем снова загрустил.

– Но ты можешь светить всегда, а люди... А человек... Он... он... – мальчик старался подобрать слово.

– Он... умирает, – наконец решился сказать маленький мальчик. Сам он не верил в это, просто слышал о смерти от взрослых.

– Умирает? – спросило Солнышко. – Как это? А-а-а! Это, наверное... Но я ведь тоже умираю. Каждый день я ухожу за горизонт, но только лишь для того, чтобы на следующий день взойти снова. Это не смерть.

– Я так и думал, – сказал маленький мальчик. – Просто я хотел в этом убедиться.

Он стал смотреть, как медленно поднимается Солнышко. А Солнышко смотрело на маленького мальчика. Они смотрели друг на друга и улыбались.

– Значит, во мне тоже есть солнце? – уточнил мальчик. Он любил точность во всем, он любил быть уверенным в серьезных вещах.

– Да, и оно должно вставать каждый день, потому что...

– ... если солнышко встает, то это кому-нибудь да нужно, – закончил маленький мальчик и засмеялся.

– Правильно! – засмеялось в ответ Солнышко, а потом на секунду стало серьезным и добавило: – А еще потому, что если солнце не встает каждый день и не дарит свой свет и тепло, оно перестает быть Солнцем...

– И гаснет? – испуганно спросил маленький мальчик.

– И гаснет... – грустно подтвердило Солнышко.
– Совсем?
– Нет. Солнце не может погаснуть совсем. Но если оно не дарит свет и тепло, оно перестает быть солнцем и превращается в уголек, который тлеет где-то в глубине...
– Сердца?..
– ...и кажется, что нет никакого солнца... – Солнышко поднялось уже достаточно высоко и плохо слышало маленького мальчика.
– И кажется, что нет никакого солнца, – повторило оно. – Запомни это...
– Хорошо... – маленький мальчик задумался, а потом решил задать еще один вопрос: – Дорогое Солнышко, а скажи мне...
– Говори громче! – откликнулось Солнышко. – Я уже высоко...
– Скажи мне еще, – прокричал мальчик, – а есть ли на других планетах люди, звери и цветы, для которых ты светишь?
Маленький мальчик слышал от папы про то, что в мире много планет, таких же круглых, как Земля, но никто не знает, даже самые большие ученые, живет ли там кто-нибудь.
– Я никак не могу понять людей, – улыбнулось Солнышко. – Почему, когда люди узнают о чем-то важном, то вместо того, чтобы думать об этом, они начинают задавать совершенно ненужные вопросы?
Маленькому мальчику стало стыдно, и он проговорил себе под нос:
– Я же не для себя спрашиваю, а чтобы все узнали...
– Запомни еще одну важную вещь! – продолжало Солнце. Оно уже поднялось так высоко, что совсем не слышало маленького мальчика: – Даже если твое солнышко не светит, а лишь тлеет, оно все равно должно подниматься каждый день, чтобы научиться дарить свет и тепло, чтобы научиться быть Солнышком. Запомни, даже в полной пустоте солнце должно вставать. Хотя бы для того, чтобы оживить светом пустоту. Не бывает темной пустоты там, где светит Солнышко!..
– ...Где светит Солнышко... – повторил маленький мальчик и неожиданно открыл глаза. Он лежал на своей кровати и смотрел в окно. Солнце уже было высоко.
– Мама! – закричал маленький мальчик изо всех сил. – Мама! Встревоженная этим криком, с кухни тут же прибежала мама.
– Что, мой маленький? – она присела рядом, положив руку на лоб сына.
– Мама, я сегодня во сне разговаривал с Солнышком! И знаешь, что оно мне сказала?

ЦВЕТЫ, КОТОРЫЕ НЕ УМИРАЮТ

Я снова еду на вокзал, зная, что только постою у кассы. Постою в длинной очереди за билетами на море, где так много зеленых долин, где всегда светит солнце, а на берегу, в лесах и на полянах много прекрасных цветов.

И я знаю, что как только окажусь перед самым окошком, и кассир спросит: “Куда?..”, я молча отойду, выйду с вокзала и поеду на кладбище...

Так странно. Я прекрасно знаю – у тех людей, что стояли вместе со мной в очереди, тоже есть свои кладбища. Но почему же они покупают билет и едут на море за новыми цветами, а я не могу, снова и снова возвращаясь к своим двум, давно умершим...

Почему же я не могу купить билет, чтобы снова найти прекрасный цветок?

Так я думаю и спрашиваю себя, пока еду на кладбище. Спрашиваю, не ожидая ответа. Потому что давно его знаю. Но все равно спрашиваю, потому что больше нечем заняться, когда едешь на кладбище погибших цветов. Вот и оно...

На самом деле мое кладбище не похоже на другие. Оно очень красивое и напоминает оранжерею... Нет, все-таки, пожалуй, не оранжерею, а большую теплицу. Ее стекла сверкают так, что видны издалека. А крепкая стальная арматура радует глаз свежей краской. Да, я часто обновляю свою теплицу. Меняю стекла надежд, не жалею серебряной краски воспоминаний...

А внутри кладбища-теплицы – два погибших цветка...

Одна была розой. Когда-то я встретил ее в ухоженном саду. Вокруг было много других цветов. И красивее, и ароматнее, но я почувствовал, что эта скромная, еще не распустившаяся роза – мой цветок. А свой цветок не выбирают. Его просто находят. А когда находят, то сразу чувствуют – вот он, мой цветок...

Она была немного колючей, как и положено розам. Совсем немного колючей, не так, как сейчас...

А тогда... Я улыбнулся моему цветку, и мы обняли друг друга, радуясь встрече. Я поцеловал ее в нежные благоухающие лепестки и сказал, что теперь мы всегда будем вместе, а роза согласно закивала.

А потом она умерла и превратилась в кактус.

Да, когда любовь умирает, то превращается в кактус. Или в алоэ, как второй мой цветок...

Но посмотрите на него сейчас! В его облике не осталось ничего цветочного! Просто что-то белое и непонятное!

Одуванчик не слышал ничего. Он плакал от разлуки, и его пушистая белая головка становилась все легче и тоньше, словно стремясь стать невидимой.

Как Ветер...

* * *

Он появился неожиданно. Ветер сразу узнал Одуванчик, который любил. Несмотря на то, что тот сильно изменился.

– Какой ты удивительный... – прошептал Ветер. – Я знаю, что не должен был возвращаться. Но я не смог! Я люблю тебя. И прилетел, чтобы еще раз увидеть, пусть и в последний раз...

Ветер едва-едва подул вокруг Одуванчика, словно извиняясь.

– Я хочу лететь с тобой! – без лишних слов начал Одуванчик. – Я не могу без тебя! Вырви меня и унеси!

– Но как я могу?! – возразил Ветер. – Ведь твой корень очень глубоко в земле этой поляны. Я не могу причинить боль, насильно забирая тебя...

– Пожалуйста, возьми меня с собой! – взмолился Одуванчик. – Не может быть боли, сильнее боли разлуки! Мой корень высох от разлуки с тобой!

– Но цветок не может быть с Ветром! Я размышлял над этим. И ты был прав! Чтобы по-настоящему любить, надо стать тем, кого любишь. Я не могу стать цветком, а ты не можешь стать ветром...

– Я смогу... – сказал Одуванчик. – Просто возьми меня с собой!

И ветер подул... Не сильно, чтобы не сделать Одуванчику больно, чтобы не вырвать его с корнем.

И произошло чудо! На земле, на ядовитой поляне осталось мертвое сухое тело, а сам одуванчик превратился в прекрасные белые пушинки и понесся по небу, став Ветром!

Ведь когда по-настоящему любишь, можно стать тем, кого любишь, при этом оставаясь самим собой...

июль 2004

– Как ты меня напугал! Зачем же так кричать? – мама хотела уже бежать на кухню, но в последний момент придвинулась поближе к сыну и спросила: – Ну и что тебе сказала солнышко?

– Оно сказала, что каждый человек – это маленькое солнышко... Каждый человек! И я тоже...

Мама обняла сына и засмеялась:

– А кто же в этом сомневался, маленький мой! Давай, поднимайся, мое маленькое солнышко!..

декабрь 2002

НЕВОЗМОЖНО

– Ох, уж мне эти новые праздники!..
– Почему новые? Мне сказали, что он старый-старый. Ну, пойдем? – маленький мальчик приставал к папе все утро.
– Не хочу! Не люблю я религиозных праздников. Постится один из тысячи, а празднуют, видите ли, все! Не люблю обманщиков!.. Да и на огороде дела есть, порядок наведем, костры будем жечь... Собирайся и нечего... – папа пощупал колесо велосипеда и снова принялся за насос. За зиму шины потеряли упругость. – Кроме того, посмотри, как мы одеты! Мы на дачу собрались или куда?
– Ну и что? Мы же только посмотрим. Даже в церковь не будем заходить тогда. Пойдем, хорошо?
– Вот пристал! – папа придирчиво осмотрел велосипед, натянул кепку и открыл дверь. – Готов?
– Поедем в церковь? – обрадовался мальчик.
– Да нечего там делать, говорят же тебе! Там сейчас народу – тьма тьмущая. Да и крюк надо будет делать... Едем сразу в огород!
– Какой же крюк? – удивился маленький мальчик. – Здесь же рядом. Совсем-совсем рядом! Я даже пешком могу быстро дойти. А мы только заедем, посмотрим и поедем собирать мусор и жечь костры. Ну, хорошо, папа?!
– И чего ты там хочешь увидеть?
– Пасху. Все говорят “пасха, пасха!”, даже по телевизору. Надо же посмотреть...
– На огороде посмотришь. Вон мама тебе сколько напекла всего!
– Ну, папа! – не понял маленький мальчик. – Я хочу на праздник посмотреть!
– Да бог с тобой, заедем! – папа с трудом затаскивал велосипед в лифт. – Только не долго!..
На улице было еще прохладно, хотя солнышко светило ярко, а птицы во всю пели.
Папа усадил сына на раму велосипеда и, слегка разогнавшись по ровному асфальту, перекинул ногу через сиденье и закрутил педали. Они немного покружили по улицам, а затем съехали с горки и повернули направо. Здесь недавно открылся мужской монастырь. А до этого десяток-другой монахов своими силами на выделенные городскими властями деньги восстанавливали старый храм, построенный еще до

блю тебя, но я не могу лететь с тобой! Я ошибся! Цветы рождены для совсем другой любви! Они должны любить насекомых, которые умеют жужжать!

– Я понимаю... – грустно подул Ветер. – Мне так хочется, чтобы ты полетел со мной! Ведь я так люблю тебя! В моем Лесу очень хорошо. Правда! И там совсем не растет ядовитых нарциссов... Почему ты не хочешь лететь со мной?!

– Нет! Нет! – кричал Одуванчик. – Я не могу! Я цветок! И мой корень слишком глубоко уходит в землю этой поляны! Я чужак, но я здесь родился! Уходи! Улетай! Я полюблю какого-нибудь трутня! Цветок не должен любить Ветер! Так не бывает! Я ошибся! Уходи...

– Я понимаю... – совсем грустно прошептал Ветер. И улетел.

* * *

Одуванчик остался один. Он пытался найти утешение в беседе с нарциссами, но они совсем отвернулись от цветка, которого считали сумасшедшим. Даже добрый ученый нарцисс больше не разговаривал с цветком-полюбившим-ветер, боясь за свою репутацию. Одуванчик отчаянно пытался забыть о Ветре, но думал только о нем. Ничего не помогло.

– Может, он не принял мои слова всерьез и прилетит снова? – говорил Одуванчик. И надежда на мгновение облегчала страдания бедного цветка. Но тут же до того незнакомая боль охватывала все его существо.

– Что это за боль?! – кричал Одуванчик в пустоту, которая образовалась вокруг него. – Почему я не могу быть счастлив тем, чем счастливы другие цветы?!

День шел за днем, и Одуванчик потерял надежду снова ощутить прикосновение Ветра. И Одуванчик узнал, как называется боль,рывающая его.

– Разлука... Нет ничего больнее разлуки с любимым, особенно когда нет надежды на встречу... – говорил он, словно в бреду. Он стал меняться. Исчезла беззаботная солнечная улыбка, и желтая головка Одуванчика вдруг стала белой...

– Что это с нашим сумасшедшим? – с отвращением спрашивали нарциссы, глядя на новый облик Одуванчика. – Если раньше он хоть чем-то напоминал цветок, то посмотрите сейчас!..

И даже ученый нарцисс нехотя признал:

– Да, наверное, я ошибся, и это не цветок!.. Теперь это слишком очевидно! Пожалуй, для уродства нет границ! Раньше мы думали, что Одуванчик – просто на редкость уродливый, непохожий на нас, цветок!

накрыли другие сомнения: – А вдруг он больше не прилетит? Почему я не попросил его? Почему он сам не спросил, как раньше? Не спросил: “Хочешь, я прилечу еще?” Я не попросил, потому что люблю, и не сомневался, что он прилетит еще. Когда любишь, не сомневаешься в очевидном. По крайней мере до тех пор, пока любимый рядом... Но почему он не сказал: “Я прилечу снова!”? – Одуванчик спросил себя и остолбенел. Его вдруг пронзила мысль: – А может, по той же причине, что и я?!! Быть может, он тоже полюбил?!”

Влюбленный цветок простоял без сна всю ночь, а утром, едва забрезжил рассвет, на поляне появился Ветер.

– Уже не спишь? – спросил он Одуванчик, крепко обняв его воздушными потоками.

– Я не спал всю ночь! – признался Одуванчик. – Я смотрел на удивительный небесный цветок, небесную пыльцу и думал о тебе...

– А я носился по всему Лесу и тоже думал о тебе! – засмеялся Ветер.

– Я люблю тебя, Ветер! – вдруг сказал Одуванчик и замер, боясь услышать ответ.

– Я тоже тебя люблю! – легко откликнулся Ветер. – Иначе, зачем бы я прилетал на эту полянку каждый день!

– Но как ты можешь любить простой цветок?! – задохнулся от счастья Одуванчик. – Ведь ты – Ветер! Ты... Ты...

– Не знаю! – весело подул Ветер в ответ. – Я просто люблю! Я Ветер, который полюбил Одуванчик! Что здесь такого?!

– А я Одуванчик, который полюбил Ветер...

Они долго молчали, просто ощущая друг друга.

– Полетели со мной в Лес! – вдруг сказал Ветер. – Зачем тебе оставаться на этой поляне? Ты никогда не станешь своим для ядовитых нарциссов. Ты не такой, как они! Полетели со мной в Лес! И мы всегда будем вместе!

– Лететь в Лес? – изумился Одуванчик. – Но ведь я цветок! Я не умею летать!

– Я понесу тебя!

– Но как?! – Одуванчик растеряно огляделся, словно надеясь увидеть Ветер. – Ведь я живу на этой поляне! Я родился на ней, и у меня очень длинный корень, уходящий глубоко в землю!

– Я сильный! – ответил Ветер. – Я подую с такой силой, что вырву тебя из земли, и мы полетим в Лес!

– Вырвешь из земли?! – испугался Одуванчик. – Нет! Нет! Значит, правду говорил ученый нарцисс про страшный Ветер?! Я не могу! Я лю-

революции. Сейчас бывшие развалины церкви было не узнать. Белые стены, красивая ограда из красного кирпича, позолоченные купола, регулярные службы, множество прихожан... Прекрасный храм, украшение и гордость района.

Маленькому мальчику нравилась церковь, нравился колокольный звон, нравились даже загадочные бородатые мужчины в черных балахонах. Он всегда, когда шел купаться на пруд, проходил через церковь.

– Смотри! Смотри! – закричал маленький мальчик, чуть не уронив отца вместе с велосипедом. – Сколько людей!

– Тихо ты! – папа вырулил и остановился, ловко спрыгнув. – Ну, слазь, смотри на свою пасху!

Все пространство вокруг церкви было запружено людьми. И вся эта масса постоянно двигалась. Казалось, двигалась беспорядочно. Но скоро маленький мальчик заметил, что это не так. Что у всех этих людей есть общая цель. Больше всего народу было у входа в церковь и вокруг, а остальные вытянулись в здоровенный хвост, конца которого не было видно.

Маленький мальчик спрыгнул с велосипеда и побежал искать этот самый конец хвоста.

– Только не долго! – крикнул ему вдогонку папа. Он встал в сторонке, поставил велосипед и принялся рассматривать разношерстную толпу.

Через пять минут прибежал запыхавшийся мальчик.

– Там до самой дороги! Такая длинная! До самой дороги! – возбужденно кричал он. – Все чего-то говорят, радостные! По горке, по горке и до самой дороги!

Толпа и в самом деле напоминала длинную-длинную змею с большой головой и постепенно сужающимся бесконечным хвостом. Но если по форме очередь была похожа на змею, то по движению – на гусеницу. Через равные промежутки времени в церковь пропускали очередную группу, и в этот момент вся очередь приходила в движение и делала короткий рывок вперед. Совсем, как большая гусеница.

Маленький мальчик отдышался и теперь зачарованно смотрела на то, что происходило перед церковью. То и дело в толпе появлялись деловитые монахи в черных рясах...

– Ну что, насмотрелся?

– А кто такие монахи? – вдруг спросил маленький мальчик.

– Это люди, которые думают, что если они всю жизнь будут биться

головой о бетонную стену, то рано или поздно пробьют ее насквозь! – раздраженно ответил папа, усаживая сына на раму велосипеда. – А я думаю, что гораздо вероятнее разбить голову!

Маленький мальчик замолчал, пытаясь понять сказанное отцом. Они поехали. Вскоре кончилась асфальтированная дорога и пошла обычная, с еще не высохшей грязью. Велосипед затрясло.

– Я не понял! – наконец признался маленький мальчик и насупился.
– Чего не понял? – удивился папа. Они уже довольно далеко отъехали от церкви.

– То, что ты сказал...
– А что я сказал?
– Ну, это, про монахов.
– А-а-а... Сынок, не забивай голову. Потом как-нибудь объясню.
– Они ведь хорошие?
– Хорошие. А я что, сказал, что они плохие?
– Тогда глупые?
– Сынок, не приставай!
– А что значит “биться головой об стену”?
– Это когда человек ставит цель, которой никогда не сможет достичь...

– Это как?
– Ну, вот помнишь, когда ты был совсем маленьким, то хотел стать слоном?

– Ага! Чтобы быть большим и сильным. И чтобы всем помогать. И чтобы...

– Так вот, представь, что ты всю жизнь хотел бы стать слоном. И больше ничего.

Маленький мальчик помолчал, а потом ответил.
– Представил. Здорово! И что здесь плохого?
– Да то, что как бы ты ни хотел, ты слоном не станешь!
– Почему?
– Да потому что!.. – папа с трудом объехал лужу, чуть не навернувшись в нее на резком повороте. – Не отвлекай меня!
– Ну, почему, папа?!
– Да потому, что ты мальчик, а не слон...
– Но ведь это сейчас я мальчик, а потом стану кем-то еще. Ты мне сам говорил!
– Мальчики потом становятся мужчинами, а не...
– А почему не слонами?

Будет о чем рассказать моим прекрасным подружкам!..

Одуванчик не слышал смех нарциссов и трутня, не понимал их разговоров. Он был ошарашен своим открытием.

“Я люблю Ветер... – думал он. – Но как это возможно?! Разве может маленький цветок любить всемогущий Ветер, который пронизывает всё, как рассказывал ученый нарцисс? Цветок должен любить насекомых, а не Ветер!”

Вокруг заколебался воздух, и Одуванчик замер. Он был уверен, что на этот раз крылья трутня здесь ни при чем.

– Привет! – сказал Ветер и ласково качнул Одуванчик, обнимая его невидимыми потоками. – Я по тебе соскучился!

– Я тоже! – радостно улыбнулся Одуванчик. Все сомнения немедленно исчезли, стоило появиться Ветру.

– Мне так хорошо, когда ты рядом... – сказал Одуванчик. Он хотел немедленно признаться в своей любви, но не смог.

– Мне тоже очень нравится прилетать на эту полянку! – ответил Ветер. – Раньше я старался без нужды на нее не заглядывать, но теперь... Я прилетаю сюда только ради тебя.

– Правда? – счастливо улыбнулся Одуванчик.

– Да...

Они были вместе целый день. Цветок и Ветер. Но Одуванчик так и не смог признаться в своей любви.

– Мне пора... – наконец сказал Ветер, когда солнце почти село за горизонт.

– Да... – кивнул Одуванчик. Он даже не спросил, прилетит ли Ветер завтра. Одуванчик был уверен, что по-другому просто не может быть.

И только когда Ветер исчез, Одуванчик забеспокоился и засомневался, ругая себя: “Надо было обязательно спросить, прилетит ли он снова! Попросить прилетать каждый день! Вдруг, он ждал от меня этой просьбы? Вдруг он больше не прилетит?! И почему я не признался ему в любви?”

Одуванчик не мог заснуть всю ночь. Сомнения и страх не давали покоя:

“Кто я такой, чтобы любить Ветер?! Наверное, поэтому я и не смог признаться? Глупый уродливый цветок влюбился в вездесущий Ветер! Разве это не смешно? Он мог бы рассмеяться в ответ на мои признания! И был бы прав... Но что я могу с собой поделать? Я цветок, полюбивший Ветер! Это может быть смешно, глупо, это может быть сумасшествием, но это так!.. Завтра я признаюсь ему, что люблю! Обязательно! И будь что будет! – Одуванчик решительно вздернул головку. Но тут его

– Но я люблю тебя! – возмутился трутень. – Ты самый прекрасный, удивительный и не похожий на других цветков этой поляны. Да, самый красивый, прекрасный, удивительный, неповторимый... Ну и так далее! Так что ты должен быть моим! Назови имя того, кого ты любишь, и я вызову его на бой! Я хочу знать имя моего соперника! Скажи, как его зовут! Кого ты любишь?!

– Я люблю Ветер... – сказал Одуванчик. Еще мгновение назад Одуванчик не мог признаться себе в этом. Он чувствовал, понимал, но не мог даже подумать этих слов: “Я люблю Ветер”. Теперь же, произнеся их вслух, Одуванчик ощутил, что они не выражают и малой доли того, что за ними стояло.

После слов Одуванчика над поляной повисла небывалая тишина.

И в этой тишине Одуванчик повторил, словно для самого себя:

– Да, я люблю Ветер...

И тут же поднялся шум. Убедившись, что им не послышалось в первый раз, нарциссы вокруг Одуванчика стали хохотать.

– Комедия! Глупый Одуванчик влюбился в Ветер!

– Да, только таким уродам и любить то, чего не существует!

– У него просто крыша поехала от одиночества!

– Конечно, нелегко быть уродливым чужаком на поляне прекрасных нарциссов!

– Нет, вы только подумайте – влюбиться в Ветер! Это же уму непостижимо!

– Сумасшедший!

– Неудачник!

– Чужак!..

Услышав ответ Одуванчика, трутень разозлился. Он почувствовал себя уязвленным и боялся насмешек: “И это самый лучший трутень поляны?! Не смог соблазнить даже самый уродливый цветок!” Это был небывалый удар по репутации трутня. Когда он услышал смех нарциссов, то захотел немедленно исчезнуть, провалиться сквозь землю. Но вскоре понял, что смеются не над ним, и тогда трутень тоже принужденно рассмеялся:

– Какой глупый цветок! Было не совсем удачной шуткой направлять меня к сумасшедшему!

– Мы знали, что этот цветок глуп, но не знали, что настолько! – оправдывались нарциссы.

– Но я вас прощаю за эту не совсем удачную шутку! – сказал трутень. Он снова обрел почву под ногами. – Потому что она меня тоже очень рассмешила! Надо же – цветок влюбленный в Ветер! Как глупо!

– Да потому что это невозможно!

– А...

– Если спросишь “а почему”, ссажу и пойдешь пешком!

Маленький мальчик закрыл рот и задумался. Его хватило не надолго, и через минуту он снова спросил:

– Так это и называется “биться головой об стену”?

– Да. Когда мы стремимся к тому, чего достичь не можем, это называется “биться головой об стену” или “пытаться прыгнуть выше головы”. Как если бы ты всю жизнь стремился стать слоном и больше ни о чем бы не думал.

– А почему это плохо?

– Ты опять!..

– Нет, почему плохо хотеть то, чего никогда не сможешь?

Теперь задумался папа. Они долго ехали молча, но сын ерзал, и было видно, что он не забыл о своем вопросе и ждет ответа.

– Потому что, когда стремишься к невозможному или даже просто к очень трудному, то не хватает времени и желаний на самые простые вещи...

Мальчик молчал. Было видно, что ему непонятно.

– Вот смотри, – продолжал папа. – Представь, что ты так хочешь стать слоном, что тебе больше ничего в жизни не надо. Представил? Ты день и ночь думаешь о слонах, живешь в зоопарке, кушаешь, как слон, мечтаешь...

– Ага, представил...

– Тогда как у тебя будет, например, с учебной? Вместо того чтобы хорошо учиться, ты будешь думать, как стать слоном. Потом вырастешь, тебе надо будет жениться, заводить семью, а у тебя не будет на это ни времени, а главное, не будет желания всем этим заниматься, потому что ты хочешь стать слоном. А потом? Какой работник из тебя получится? Плохой, потому что вместо того, чтобы думать о работе, о карьере, ты будешь думать о том, как стать слоном. Понятно?

– Не-а, – маленький мальчик к облегчению отца начал терять интерес к разговору. – Ты плохо объясняешь!

– Просто, ты еще маленький...

– Я не маленький! – обиделся сын. – Ой, смотри какая бабочка! Остановись, я хочу на нее посмотреть!

– Некогда! В огороде насмотришься!

Всю дорогу до дачи маленький мальчик больше не приставал к отцу с вопросами. Он глазел по сторонам и радовался всему, что

попадалось по пути: большой кочке, на которой они подпрыгивали, красивой луже, в которой отражалось солнце, птицам на полях, пахучему ветерку...

– Фу! Доехали наконец! – Папа спрыгнул с велосипеда и достал ключи. – Надеюсь, за зиму не слишком проржавело...

Он с усилием повернул ключ, снял висячий замок и распахнул калитку.

Снег на грядках уже давно стоял. Кое-какие кусты медленно, но уверенно покрывались зеленью. Повылазила молодая крапива и другая ранняя трава. Желтые головки вездесущих одуванчиков разбежались по грядкам.

– Э-хе-хе! – радостно вздохнул папа, оглядев свои владения. – Работки будет!..

– А мне чего делать? – спросил маленький мальчик.

– Собирай всю старую траву, ветки, бумажки, щепки в одну кучу. Потом мы все это подожжем, и будет костер.

– Здорово! – Маленький мальчик принялся с энтузиазмом за работу. Он насобирал много сухой травы и веток, принялся за малинник, но, исколов руки, решил поискать не такое вредное топливо. Вскоре на одной из грядок красовалась приличная куча весеннего мусора.

– Готово! – крикнул маленький мальчик. – А можно, я сам подожгу?

– Где же готово? – возразил папа, зная, что после костра, занять сына еще чем-то полезным будет проблематично. – Разве это куча? Это кучка! Давай, собирай еще!

Маленький мальчик опять забегал по огороду.

Папа занялся своими делами. Только спустя какое-то время он заметил, что сын куда-то пропал. Он перестал появляться тут и там со своими: “Папа, смотри, какую ветку я нашел!” или “Папа, а эту доску можно в костер?”

Отец оглядел огород и приметил сына, неподвижно сидящего рядом с высокой яблоней.

“Чего-то опять увидел... – решил он и вернулся к починке лопаты. – Чем бы мое дитя ни тешилось, лишь бы с вопросами не приставало!”

Прошло еще какое-то время.

– Папа! – Маленький мальчик подошел неслышно, и отец чуть не выронил от неожиданности топор.

– Чего опять?

но... Почему? Ведь произошло то, о чем говорил нарцисс: меня полюбило летающее насекомое. А ведь именно для такой любви живут цветы... Почему же я не радуюсь? Почему же не кричу в ответ этому прекрасному трутню: “Да, я твой цветок, лети ко мне! Садись на меня, и я покрою тебя своей пылью!” Почему мне так грустно от его искреннего жужжания? Ведь он говорит о любви! Говорит о том, ради чего живут цветы...”

Одуванчик с тревогой заглянул в себя, ища ответ на этот непростой вопрос. И вдруг он понял!

“Я не люблю его! Нарциссы говорят, что это не важно, главное, чтобы любили тебя, но это не правда. Для меня это не правда. Я тоже хочу любить. Я не смогу только принимать любовь, я хочу ее давать! Как тот большой цветок на небе... – Одуванчик посмотрел, как беззаботно играют солнечные лучи на крыльях трутня, делая их удивительно красивыми. – Но почему я не смогу полюбить такое прекрасное насекомое? Ведь еще недавно я готов был полюбить самую последнюю муху, если бы она обратила на меня внимания и согласилась прилететь ко мне! Что же случилось?! Почему я не могу полюбить такого удивительного трутня, замечательного во всех отношениях?..”

– Что же вы так глубоко задумались, о прекрасный цветок? – жужжал трутень, устав ждать ответа. – Неужели вы не верите моим словам?

– Верю, но... – нерешительно произнес Одуванчик.

– Тогда станьте моим цветком! – в нетерпении выкрикнул трутень.

– Я не могу... – тихо сказал Одуванчик. И вдруг, помимо своей воли, добавил:

– Я люблю другого...

И тут же самому Одуванчику все стало ясно!

“Да, вот почему я не смогу полюбить этого удивительного, прекрасного трутня! Потому что я уже люблю...”

– Но как же так?! – трутень раздраженно огляделся, словно говоря нарциссам: “Что за безобразие! Почему вы меня не предупредили!” Нарциссы недоуменно качали головками. Они сами были поражены не меньше трутня.

– Но как же так?! – повторил трутень. – Кто он?! Скажи мне его имя! Я буду сражаться за свою любовь! Ты поймешь, что я лучше! На этой поляне нет никого лучше, чем я!.. Неужели ты этого не видишь?!!

– Конечно, это очевидно... – грустно согласился Одуванчик. – Но я уже полюбил... Пожалуйста, не расстраивайтесь, я уверен, что вы еще найдете цветок своей мечты!

– Надо проучить его! – единодушно решили нарциссы. Они задумали вволю посмеяться над глупым Одуванчиком, для чего подговорили самого толстого и знаменитого трутня поляны “влюбиться” в уродливый цветок...

– Что же, я не против такого развлечения! – важно ответил трутень. – Передо мной еще не устоял ни один нарцисс, так что не пройдет и минуты, как этот ваш Одуванчик будет без ума от меня!

Трутень почистил прозрачные, переливающиеся всеми цветами радуги крылышки, и поднялся в воздух...

Одуванчик думал о Ветре, который где-то задержался. “Вчера он в это время уже был рядом, – с тревогой думал Одуванчик. – Лишь бы ничего не случилось...” Минута сменялась минутой, и ожидание становилось все напряженней. Одуванчик ждал Ветер каждой своей прожилкой, каждым листочком и каждой тычинкой. Он весь превратился в ожидание.

Вдруг воздух вокруг цветка заколебался, и Одуванчик с облегчением перевел дух, думая, что это Ветер наконец прилетел.

– Ты здесь? – радостно спросил Одуванчик. Но тут откуда-то сверху раздалось жужжание, и Одуванчик недоуменно поднял головку. Прямо на него спускался красивый трутень. Это его крылья подняли ветерок, который Одуванчик принял за Ветер. Трутень спустился совсем низко и завис в над Одуванчиком.

– Какой прекрасный цветок! – прожужжал трутень, восхищенно всплеснув всеми шестью лапками. – Я никогда не видел ничего подобного! Я облетел всю поляну, и уже потерял надежду найти цветок своей мечты... Я совсем потерял надежду, но тут увидел вас! Кто вы, прекрасная незнакомка? Вы покорили мое сердце!

– Но ведь я не нарцисс... – удивленно ответил Одуванчик. – Все говорят, что я очень уродлив и глуп, что я чужой на этой поляне...

– Они просто завидуют! – воскликнул трутень. – По сравнению с вашей неполяночной красотой, все нарциссы – просто жалкие нераскрывшиеся бутоны! Я покорен вами! Окончательно и бесповоротно. Я не смогу больше жить без вас! Я люблю вас! Пожалуйста, станьте моим цветком!

Одуванчик слушал жужжание трутня и не мог поверить, что это происходит на самом деле. Его мечта исполнилась! Его заметили, его полюбили! И полюбила не какая-то муха, а самый лучший трутень поляны!

“Как странно... – подумал Одуванчик. – Случилось то, о чем я так долго мечтал, но я совсем не чувствую радости! Наоборот, мне груст-

– Папа, а почему ты монахов не любишь? – спросил маленький мальчик.

– Господи, кто тебе сказал, что не люблю? – удивился отец и даже отложил инструмент.

– Ну, ты же про них сказал, что они бьются головой о стену...

– Так это не значит, что я монахов не люблю, а значит, что я не люблю тех, кто бьется головой об стену. Разве не так? Не люблю тех, кто ставит перед собой невыполнимые цели, забывая о своих прямых обязанностях...

– А монахи что ли хотят стать слонами, да?

– Сынок, ну что за глупости ты говоришь? Это же был просто пример! Монахи – это те, кто оставили обычную жизнь, чтобы достичь Бога. Они оставили семьи, жен, детей, работу, свой долг перед Родиной, оставили все, ради невыполнимой цели...

– А разве “достичь Бога” труднее, чем стать слоном? – удивился маленький мальчик. – А что такое “достичь Бога”?

– Сынок, ну что за разговоры мы ведем? Ну ведь уши вянут! Иди, полови бабочек. Да и кучу ты не дособирил...

– Успею, папа! Ну, скажи!..

– Весь этот мир создал Бог. Все эти поля, леса, холмы, реки. Всю землю и небо. И всех людей. Представляешь? И даже звезды и все миры. И после этого находятся люди, которые надеются как-то понять или даже достичь Бога! Да стать слоном по сравнению с этим – просто детская задача! Проще муравью стать слоном, песчинке – горой и капле – океаном, чем человеку достичь Бога. Слишком разные масштабы! – папа давно понял, что на вопросы сына лучше отвечать по-взрослому. Потому что если не отвечать вообще или отделываться “детскими” ответами, он все равно не отстанет. А если “завернуть” что-нибудь этакое, то сын почему-то успокаивался и давал передышку. – И вот находятся люди, которые всю жизнь тратят на то, чтобы стремиться к невозможному, вместо того, чтобы просто жить, растить детей и работать на благо общества... Я таких не люблю. Понятно?

– Не-а! – привычно откликнулся маленький мальчик. – А мне вот нравится, когда кто-то хочет очень-очень сложного! Я бы обязательно подружился с мальчиком, который всю жизнь хотел бы стать слоном!

– Ну вот подрастешь, отдам в монастырь! – шутливо пригрозил папа. – Будешь всю жизнь ходить в черном балахоне, с бородой и биться головой о непробиваемую стену!

– Не! – откликнулся маленький мальчик. – Не хочу! Мне черная

одежда не нравится. Я люблю, когда ярко, весело. Как солнышко. Вот одевались бы они в желтое, я бы пошел!

Маленький мальчик убежал. Папа посмотрел ему вслед и улыбнулся: "Умный парень растет!" Он взялся за ремонт следующего инструмента. Тем временем мальчик опять уселся рядом с яблоней.

Папа еще некоторое время провозился с инвентарем, а потом не выдержал и пошел к сыну.

– И чего ты здесь разглядываешь столько времени? – спросил он подходя.

Мальчик не ответил, а только кивнул в сторону яблони. Отец подошел ближе и присмотрелся. У самого корня возилась толстая гусеница. Видимо, она только что упала и теперь ворочалась, пытаясь перевернуться. Через секунду она уже ползла по стволу яблони. Бойко преодолев полметра, она наткнулась на утолщение, видимо, след какой-то древесной болезни. Гусеница замедлила шаг и стала осторожно щупать передней частью тела крутой выступ. Наконец она уцепилась за край, а задней частью тела, наоборот, отпустилась от ствола и наполовину зависла в воздухе. Теперь она попыталась нащупать задними "ногами", куда можно прицепиться, чтобы в свою очередь отпустить передними, и продолжить движение. Но прицепиться было некуда, потому что гусеница висела на краю крутого выступа. Тогда она попыталась ползти только с помощью половины тела, но как только гусеница чуть-чуть ослабила хватку, она сорвалась и покатилась к подножью дерева.

– Ах ты! Опять не получилось! – с азартом воскликнул маленький мальчик.

– Так ты на это смотришь уже битый час? – спросил папа.

– Ага! Очень интересно, сможет она когда-нибудь забраться или нет... – Маленький мальчик не отрываясь следил за упорной гусеницей, которая уже вновь уверенно лезла по стволу. – Папа! Представляешь! Она уже сто раз падала, а все равно лезет и лезет! Правда, здорово?!

– Что ж "здорового"? – пробурчал папа. – Видно же, что она никогда не сможет перелезть через этот выступ. Так и будет ползти и падать, ползти и падать, пока не помрет...

Вдруг его осенило.

– Слушай, сынок! Вот хороший пример того, о чем мы сегодня весь день говорили!

– Гусеница?

– Да! Люди, которые ставят перед собой невыполнимые цели, похожи на эту гусеницу. Они станут биться и биться, пытаться и пы-

– Нет, – ответил Ветер.

– Жалко! – вздохнул Одуванчик. – А то бы я тебя любил!

– Тебе нужны насекомые? – удивился Ветер. – Хочешь, я принесу тебе десяток? Или даже всех!

Одуванчик задумался, а потом отрицательно качал головкой:

– Нет, зачем? Пускай они кружатся над своими нарциссами. Ведь они любят их, а не меня...

Ветер пожал невидимыми плечами и стал тихонько дуть вокруг Одуванчика.

– Мне никогда не было так хорошо, как с тобой, – признался Одуванчик. – Когда ты рядом, кажется, что я вовсе и не зря родился на этой поляне.

– Ты мне тоже нравишься! – ответил Ветер. – Хочешь, я завтра снова прилечу?

– Да! – радостно закивал Одуванчик. – Я буду ждать тебя...

* * *

На следующий день, как только взошло солнце, Одуванчик раскрыл цветок и огляделся.

– Ветер, ты где? – спросил он.

Но Ветра еще не было, и Одуванчик стал ждать. Он не мог ни о чем думать, кроме Ветра. Он не мог ни о чем мечтать...

Одуванчик стоял среди нарциссов и улыбался солнцу, думая, как Ветер скоро снова прилетит и будет ласково дуть рядом.

Нарциссы смотрели на счастливого Одуванчика и раздраженно переговаривались.

– Нет, вы только посмотрите на этого чужака! Вместо того, чтобы плакать, сокрушаясь о своем уродстве, он радуется чему-то! Все-таки хорошо быть полным дураком!

– Да, просто тошнит смотреть на его уродливую счастливую рожу!

– Он улыбается, словно на свете нет никого прекрасней!

– Это сколько же гордости и самомнения надо иметь!

– Да нет, он просто идиот!

– Надо бы проучить этого чужака, чтобы не портил счастливой физиономией нашу поляну!

Сами нарциссы улыбались редко, разве что в насмешку над кем-то или слыша о несчастьях других. А в жизни случалось всякое. Бывало, любимый трутень улетал к другому цветку и уже ему жужжал о любви. Бывало, облетали лепестки, а другие сморщивались и становились некрасивыми... Очень много разнообразных неприятностей было в жизни нарциссов, и от этих неприятностей совсем не хотелось улыбаться.

сам Одуванчик нисколько не сомневался в существовании Ветра. Ведь вчера они разговаривали друг с другом! И Одуванчику было странно слышать о мнении каких-то нарциссов, утверждавших, что Ветра не существует только потому, что они его не видели. “Я тоже не видел, – подумал цветок. – И что? Зато я его чувствовал!”

– Во-первых, не “кто такой”, а “что такое”! – поправил нарцисс собеседника. – Ветер – это сила, которая, как я предполагаю, невидимо пронизывает всё вокруг! Иногда он проявляется, и тогда происходят очень странные вещи. Но мы, нарциссы, не любим, когда Ветер появляется на нашей поляне! Лучше бы его совсем не было!

– Почему? – удивленно спросил Одуванчик.

– Во-первых, когда он дует, то разгоняет всех насекомых, и мы не слышим их жужжания, – начал нарцисс. – Во-вторых...

– Значит, Ветер – это не насекомое? – взволнованно спросил Одуванчик.

– Конечно, нет! Что за глупость? – возмутился ученый нарцисс. Он не любил, когда его перебивали. – Как может быть насекомым нечто невидимое, непонятное и, вполне возможно, несуществующее?

– Но ведь он тоже летает... – робко возразил Одуванчик. Его не оставляла слабая надежда на то, что Ветер – это какое-то необычное насекомое, которое можно будет любить, как это принято у цветов.

– Нет, Ветер – это не насекомое! – уверенно сказал нарцисс. – Если Ветер и существует, то он – это могущественная непонятная сила, причем чуждая нам, нарциссам!

– Чуждая? Почему?

– Потому что ты не дослушиваешь и постоянно меня перебиваешь! – раздраженно сказал нарцисс. – Ветер – это наш враг. Иногда он так дует, что обрывает наши прекрасные лепестки, уносит трутней, которые нас любят, а иногда прижимает нас к земле, гордясь своей силой. Но самое страшное... – нарцисс перешел на шепот, – говорят, иногда он вырывает нас из земли и уносит прочь. Это называется смертью...

– Спасибо вам за ответ! – сказал Одуванчик, а про себя подумал: “Наверное, он говорит о ком-то другом, а не о моем Ветре. Мой Ветер совсем не такой. Он нежный, ласковый. И он сказал, что я ему нравлюсь...”

– Привет, Одуванчик! – Ветер появился неожиданно, словно в ответ на мысли цветка. – Я вдруг вспомнил о тебе и решил заглянуть на вашу полянку.

– А я все время думаю о нашей первой встрече, – признался Одуванчик. – А ты совсем-совсем не насекомое?

таться, иногда им будет казаться, что цель близка, что еще чуть-чуть, и уступ будет преодолен. Но каждый раз они будут срываться и, как эта глупая гусеница, поползут снова. Лишь для того, чтобы опять сорваться. И только со стороны видно, что они занимаются безнадежным делом...

– А что же ей делать? – спросил маленький мальчик. – Ведь она хочет забраться высоко-высоко на яблоню, чтобы там стать бабочкой и полететь по небу...

– Но ты же видишь, что ей это не удастся. Если бы она была разумной, то отказалась бы от невозможного и нашла место где-нибудь внизу. Понятно, что высоко на дереве лучше превращаться в бабочку, но и здесь, устроившись среди опавшей листвы, она бы во что-нибудь превратилась, а так, она просто истратит все силы на бесполезную борьбу и умрет.

– А мне кажется, что лучше умереть, стремясь стать бабочкой, чем превратиться в червя... – тихо сказал маленький мальчик.

– Вот поэтому я и не люблю монахов и прочих идеалистов, – продолжал, не услышав сына, отец. – Они, подобно этой гусенице, пытаются достичь невозможного, вместо того, чтобы жить реальностью. Какой в этом смысл? Любой разумный человек видит, что эта гусеница ни в силах преодолеть выступ и будет срываться с него, сколько бы раз ни пыталась его преодолеть. Точно также и твои монахи... Любой разумный человек со стороны видит, что для них невозможно достичь Бога... Ни для кого не возможно, сколько бы они ни пыжились сами... В общем, понаблюдай еще, и, я думаю, ты поймешь! Никогда не стремись к невозможному, а то закончишь, как эта гусеница!..

Папа ушел. Он был доволен тем, как хорошо ему удалось объяснить столь сложную тему маленькому сыну.

Мальчик остался у яблони и продолжал наблюдать за гусеницей. Она упорно забиралась на дерево. Доползала до уступа, зависала и падала. И снова забиралась...

– Невозможно, невозможно... – пробурчал маленький мальчик. – Что ж здесь невозможного? – И, когда гусеница в очередной раз зависла на уступе, взял с земли маленькую палочку и подставил ее гусенице. Она с легкостью перелезла через уступ и, как ни в чем не бывало, зашпешила наверх.

– И очень даже возможно! – сказал маленький мальчик и звонко засмеялся.

СТАТЬ ВЕТРОМ

Эта полянка пользовалась дурной славой. Жители Леса обходили ее стороной. Потому что на поляне росли только ядовитые нарциссы, а над ними летали жирные трутни, больше похожие на синих навозных мух.

Нарциссы очень гордились своей красотой и своей полянкой, на которой, кроме них, никого не росло. И у каждого нарцисса был свой трутень, очень хорошо умевший жужжать о любви, при этом думая только о том, как залезть в цветок и поест пыльцы. Ведь больше на поляне нечем было поживиться, так что трутни приспособились наслаждаться тем, что было: гордой красотой нарциссов, их тычинками-пестиками. Для этого надо было всего лишь немного пожужжать, и любой нарцисс раскрывался, веря во все, о чем жужжали трутни. Ведь ни один нарцисс на поляне не сомневался, что именно он самый прекрасный, самый удивительный и неповторимый. И каждый трутень очень хорошо научился говорить то, что от него хотели слышать, чтобы получить свое. Ведь жужжать о любви очень просто. Намного проще, чем любить...

Но однажды на полянке проклюнулся странный росток. Сначала все нарциссы вокруг подумали, что это родился один из них, и с нетерпением ждали, когда появится цветок, чтобы рассказать ему о себе, о своей удивительной красоте. Каждый нарцисс на поляне только и делал, что без устали говорил о своей красоте и удивительных качествах, и всегда искал тех, кто еще не знал об этом. Но когда новый цветок наконец раскрылся, нарциссы вокруг ахнули.

– Кто это? – почти хором спросили они. А потом также хором воскликнули:

– Какой уродливый цветок! Он совсем не похож на нас! Такое единодушие среди нарциссов случалось редко, но тут они вместе неодобрительно загалдели:

– Посмотрите на этот цветок! У него нет ни одного гладкого лепестка! А цвет?! Нет, вы посмотрите! Какой вульгарный цвет! Нет даже белого пятнышка!

– Он совсем не такой, как мы... – повторяли нарциссы. И это был приговор. Они отвернулись от только что появившегося на свет цветка. – Он чужой! Ему не место на нашей поляне! И пусть не рассчитывает, что мы примем его в свой круг только потому, что он появился здесь! Таким, как он, не место среди нарциссов!..

– А мне ты нравишься гораздо больше, чем они! – вдруг сказал Ветер.

– Правда?! – вспыхнул Одуванчик. Он не сразу понял слова Ветра, а когда понял, то не мог поверить тому, что услышал.

– Да, я даже не жалею, что залетел сегодня на эту полянку! – ответил Ветер. – Ну, мне пора...

– Ты прилетишь еще? – вдруг спросил Одуванчик. И сам удивился тому, что смог это сказать и остановить уже уносящийся Ветер.

– Если ты хочешь... – ответил Ветер, легонько пролетев прямо над Одуванчиком, качнув его головку.

– Очень хочу... – прошептал Одуванчик.

– Тогда обязательно прилечу! – Ветер дунул сильнее, а потом исчез среди деревьев Леса.

* * *

Весь следующий день Одуванчик ждал Ветер.

“Он сказал, что не насекомое, но ведь он тоже летает, – думал Одуванчик. – Может быть, он невидимое летающее насекомое, и просто сам этого не знает?”

– Благородный нарцисс! – позвал Одуванчик. Ему пришлось кричать несколько раз, чтобы нарцисс соизволил ответить.

– Чего тебе? – высокомерно ответил он. – Если ты думаешь, что если я однажды снизошел до разговора с тобой, то теперь буду отрываться от дел по каждому поводу, то ты сильно ошибаешься!

– Простите, уважаемый нарцисс, но у меня очень важный вопрос, – вежливо сказал Одуванчик. – А я знаю, какой вы великий ученый, и только вы можете мне ответить!

– Что же, я действительно величайший ученый-нарцисс на этой поляне! – спокойно, но с явным удовольствием согласился нарцисс. – Так и быть, спрашивай!

– Кто такой Ветер? – спросил Одуванчик и замер, с волнением ожидая ответа.

– Хм, есть довольно много теорий о том, что собой представляет Ветер, – начал нарцисс. – Одна из версий, которая мне близка, но с которой я не могу полностью согласиться, такова: Ветра не существует. Потому что его никто никогда не видел. Ветер выдуман для того, чтобы объяснить некоторые явления, которые происходят на нашей поляне, и которые сложно или невозможно объяснить научно, без привлечения некой абстрактной силы...

– А по вашему мнению, кто такой Ветер? – спросил Одуванчик. Он не слишком понимал рассуждения ученого нарцисса. Тем более что

щался в Ветер, да и то только для порядку. Ветер быстро проносился над этой нелюбимой частью своих владений и скрывался в Лесу.

Но однажды Ветер появился над полянкой и привычно понесся прочь, чтобы побыстрее скрыться среди деревьев, как вдруг, на самой границе поляны и Леса, он увидел необычный цветок...

* * *

Одуванчик жил на поляне нарциссов и мечтал о любви. Ведь он был цветком, а значит, рожден для любви. Но добрый разговорчивый нарцисс оказался прав, и ни один трутень не смотрел в сторону Одуванчика. Они, как и нарциссы вокруг, только смеялись над уродливым цветком, над чужаком, посмевающим родиться на поляне нарциссов.

А Одуванчик очень хотел любить. Он знал, что цветок обязательно должен любить кого-то летающего. И Одуванчик уже давно был согласен полюбить любого, кто спустится к нему. Даже самую последнюю муху! Но и мухи не обращали внимания на бедный Одуванчик. И это несмотря на то, что редкий нарцисс соглашался слушать жужжание мух. Ведь все нарциссы мечтали о любви толстых и успешных во всех отношениях трутнях.

Одуванчику было одиноко среди нарциссов. Он мечтал о любви, но ни одно насекомое поляны так и не посмотрело в сторону чужака.

Одуванчик смирился со своей судьбой, он понял, что уродлив, глуп, а самое главное – родился на чужой поляне, где для него нет места. И когда он понял это, то вдруг ощутил, что вокруг кто-то летает!

Одуванчик удивленно огляделся, но никого не обнаружил.

“Как странно... – подумал Одуванчик. – Наверное, я так хочу любви, что мне уже скоро станут являться невидимые насекомые!”

Но тут Одуванчик снова почувствовал, что вокруг кто-то летает. Несомненно летает! Это было так ясно, что Одуванчик не выдержал и громко спросил:

– Кто здесь? Кто ты?!

– Я – Ветер!

– Ты насекомое, да? – удивился и обрадовался Одуванчик. Ведь он думал, что летать умеют только насекомые. Так ему говорили нарциссы.

– Нет, я не насекомое, я – Ветер! – сказал Ветер и тихонько подул вокруг Одуванчика. – А кто ты? Я никогда не видел таких цветов на полянке нарциссов...

– Я – Одуванчик, – грустно представился Одуванчик. – Я тоже цветок, как и нарциссы. Только очень уродливый и глупый...

– Хм?! Кто тебе это сказал? – удивился Ветер.

– Нарциссы. Ведь я и правда совсем не похож на них. А они так прекрасны!

Когда Одуванчик раскрыл свою мохнатую желтую головку, то первым делом увидел огромный яркий цветок высоко-высоко в небе.

– Привет! – сказал ему Одуванчик и счастливо улыбнулся. Солнце улыбнулось Одуванчику в ответ, и он спросил: – Я родился! Кто я?..

Одуванчик с восторгом огляделся и увидел, что окружен красивыми цветами, которые смотрели на него.

Одуванчик хотел и им сказать “Привет!”, но не успел, потому что цветы дружно загалдели. Сначала Одуванчик не понимал их, а когда наконец понял, то ему стало очень грустно. “Он урод! Он не такой, как мы! Чужак! Зачем он появился на нашей поляне?! Мы никогда не примем в свой круг такой цветок! Посмотрите, как он отличается?! Разве можно жить таким уродом?!”

– Очень грустно родиться и узнать, что ты урод... – прошептал Одуванчик. Но потом подумал и вдруг снова улыбнулся: – Но зато вы все такие красивые! Особенно вон тот большой цветок на небе!

Нарциссы на секунду умолкли, а потом загалдели с новой силой:

– Нет, вы только посмотрите! Он не только уродлив, но еще и глуп!

– Да! Сравнить нас с этим дурацким желтым шаром!..

– Который только и годен на то, чтобы греть нас!

– Да что мы обращаем внимание на слова чужака? Он даже не знает, что такое солнце!

– Уродлив и глуп! – хором сказали нарциссы и окончательно отвернулись.

– Простите... – сказал Одуванчик. Ему было неловко, что он обидел такие красивые цветы. – Наверное, я и в правду глуп и уродлив...

Он еще немножко погрустил, а потом не выдержал молчания и вежливо спросил:

– Дорогие прекрасные цветы, скажите, пожалуйста, где я?

Но ему никто не ответил. Нарциссы говорили друг с другом о своей красоте, слыша только себя.

– Где я?! – громко повторил Одуванчик. Но никто не хотел разговаривать с чужаком. Одуванчик потупился, уже не рассчитывая получить ответ, но тут один из нарциссов гордо ответил:

– Ты на нашей поляне!

– Да? – обрадовался Одуванчик. – А кто вы?

– Мы нарциссы, и мы... Особенно я! Очень прекрасны! Впрочем, ты и сам это видишь!..

– Да, – согласился Одуванчик. – А почему ты отвечаешь мне? Ведь все остальные отвернулись...

– Я говорю с тобой, чтобы все видели мое благородство. Я готов

тратить свое драгоценное время на таких, как ты, потому что на этой поляне нет никого возвышенней и благородней меня!

– Наверное, это так! – согласился Одуванчик. – Спасибо! Может, ты тогда ответишь еще на один вопрос?

– Да, – важно согласился добрый нарцисс.

– Кто я? – спросил Одуванчик. – И зачем я родился на этой поляне?

– Вообще-то, это два вопроса... – рассмеялся нарцисс. – Похоже, ты на самом деле непроходимо глуп. Впрочем, чего еще ожидать от такого уродливого цветка?! Кто ты? Не знаю. Могу точно сказать только одно: ты не нарцисс!

– А может, я просто очень-очень некрасивый нарцисс? – с надеждой спросил Одуванчик.

– Нет, ты однозначно не один из нас! – презрительно закачал головкой нарцисс. – Но я должен признать... Хотя, мои коллеги, думаю, со мной не согласятся... Но так как я беспристрастный ученый, я должен признать, что ты – это цветок. Все-таки цветок! Разумеется, уродливый и совсем не похожий на нас, но цветок!

– Здорово! – обрадовался Одуванчик. – А зачем я родился на этой поляне?

– Раз ты цветок, то, по моему мнению, ты и родился для того, для чего рождаются все цветы! Хотя, еще раз повторю, все мои рассуждения базируются на предположении, что ты все-таки цветок!

– Так вы не уверены, что я цветок? – расстроился Одуванчик.

– Уверен. И готов отстаивать свое мнение перед другими учеными нарциссами... Ведь это мое мнение! У тебя есть все признаки цветка, так что я уверен – ты цветок! Такова моя теория, а она не может быть не верной!

– Потому что она ваша? – уточнил Одуванчик. Он потихоньку учился логике, принятой на полянке нарциссов.

– Да, – согласился нарцисс.

– Я очень рад, что познакомился с таким удивительным нарциссом, как вы! – воскликнул Одуванчик.

– Возможно, ты не так и глуп, как показалось вначале... – снисходительно произнес нарцисс. – Поэтому я отвечу тебе на второй, куда более сложный вопрос...

– Да, пожалуйста! – воскликнул Одуванчик. – Зачем цветы рождаются? Зачем цветы живут?

– Цветы живут для любви, – важно ответил нарцисс. – На нашей поляне обитают не только цветы, но и летающие насекомые. Когда насекомое прилетает к тебе и говорит, что ты самый прекрасный

нарцисс на поляне, а потом садится и трется о твои тычинки, то это называется любовью!

– Должно быть, это удивительно... – прошептал Одуванчик.

– О да! На нашей поляне нет ничего прекрасней этого. Каждый нарцисс мечтает встретить самого толстого трутня, который лучше всех умеет жужжать!

– Но раз я цветок, как вы сказали... – задумался Одуванчик вслух. – А цветы живут для любви, то ко мне тоже скоро прилетит трутень, чтобы жужжать о любви?

– Какой же трутень посмотрит на такой уродливый цветок?! – рассмеялся нарцисс наивности Одуванчика. – Я потому и удивился твоему появлению на нашей полянке: какой смысл в цветке, на который не сядет ни одно уважающее себя насекомое?! Ведь ты окружен такими прекрасными цветами, как мы! И разве хоть один уважающий себя трутень будет жужжать о любви какому-то уроду, когда вокруг – прекрасные нарциссы?!

– Наверное, вы правы... – печально понурил головку Одуванчик. – А можно тогда я сам буду любить? Любить полянку, солнце, вас и всех насекомых, что летают над поляной?

– Да пожалуйста! Только какой в этом смысл? – пожал плечами нарцисс. – Любовь – это когда любят тебя самого. За то, что ты самый красивый, за то, что самый умный или благородный, за то, что ты лучше всех пахнешь... Но за что любить тебя? Ты уродлив и глуп. Ты чужак. Мне кажется, лучше тебе было не рождаться на этой поляне...

– Не рождаться? – переспросил Одуванчик. – Но...

– Я уже довольно времени потратил на тебя! – вдруг раздраженно сказал благородный нарцисс. – Ко мне летит мой трутень, и я не могу больше болтать с чужаками. Он может неправильно это понять...

– Извините, – испуганно зашелестел Одуванчик. Ему очень не хотелось мешать такому доброму и благородному нарциссу, который один из всех снизошел до разговора с ним, уродливым и глупым Одуванчиком.

* * *

Ветер жил в Лесу. Он был везде. Как воздух, он пронизывал всё вокруг. Но как летучий Ветер, он появлялся то здесь, то там. Ветер любил носиться над лесными озерами, играя водной рябью и качая кувшинки. Он любил дуть среди деревьев, раскачивая ветки и проносясь сквозь листву... Но, как и все жители Леса, Ветер не любил появляться над полянкой нарциссов. Ветру не нравился их ядовитый аромат. Очень-очень редко воздух над полянкой самовлюбленных нарциссов превра-